

Фаина Войцехович

МОЯ ЖИЗНЬ И ВРЕМЯ

НА САЙТ
Люди и время

Фаина Константиновна
Войцехович

Моя жизнь и время

Воспоминания охватывают период от 1905 года по настоящее время. Отрывки воспоминаний, публикующиеся на сайте «Люди и время», прошли лишь предварительное редактирование. Автор воспоминаний продолжает практически непрерывное редактирование, исправление обнаруженных неточностей и дополнение воспоминаний новыми фактами. Публикуемые материалы включают в себя: Детские годы; Первые минуты и дни войны; Последняя встреча с братом Алёшей.

Написаны воспоминания, но ещё не завершена их подготовка к публикации материалов на следующие темы: Жизнь на Кубани в годы войны, включая немецкую оккупацию; Гражданская война на Полесье в годы Отечественной войны и в послевоенные годы; Проблемы мирной жизни в послевоенное время вплоть до настоящего момента. Последняя тема раскрывается в рамках описания личной жизни автора воспоминаний и её семьи, это описание близится к завершению.

Ещё предстоит написать главы о партизанском движении на Полесье через судьбы своей матери и братьев, а также о жизненном и боевом пути мужа Н.Ф. Войцеховича. Эти темы частично перекрываются с содержанием других тем.

Воспоминания содержат достаточно много сведений и неизвестных или малоизвестных фактов об исторических событиях и выдающихся личностях, известных не только в Белоруссии, но и в пределах бывшего Советского Союза.

Настоящая публикация будет дополняться по мере подготовки материалов к печати.

Редактирование:

Леонид Николаевич
Войцехович

Моя жизнь и время

По просьбе моих детей и внуков приступаю к записям своих воспоминаний.

В настоящее время запись воспоминаний не закончена, она постоянно пополняется, и в электронную публикацию вносятся соответствующие изменения.

Детские годы

На Кубани

Я родилась на Кубани, на станции Мирская (ныне Краснодарский край России) 21 августа 1927 года.

Станция Мирская
(Современный вид)

На Кубани коренные жители – казаки. Это служивый народ, бывшие беглые казаки из Украины и другие свободолюбивые люди. Земли на Кубани, тучные черноземы, беглые пахали, разводили скот. На их богатство нашлись экспроприаторы в виде абреков. Это грабители из Чечни, Кабарды и других народов Кавказа. Жизнь заставила казаков создать свою армию. Каждая семья выставляет

одного казака с полным снаряжением и боевым конем. В станице командовал атаман, он был гражданским правителем. Станицу окружали курганами, на которых находились посты казаков-пластунов. В случае опасности на кургане зажигался факел, и в станице тревога. Проходит не более часа, и эскадроны летят в бой.

Семье содержать казака было не очень легко, он не мог и уходить из дома на базу (на скотном дворе), он мог что-то делать в доме. И все. Остальное – совершенствование боевого мастерства. Надо иметь собственную скаковую лошадь, боевое ружье, шашку, пику, мундир, португую, полушубок, отделанный мерлушкой, сапоги яловые, бурку, кубанку, фуражку и др. прибамбасы. Остальная казачья семья занималась хлебопашеством. Упражнение в стрельбе, рубка саблей, джигитовка – это почетно. Сеять и убирать урожай не зазорно, но заниматься ремесленничеством – не казачье дело. Ремеслом на Кубани занимались иногородние, т.е. кацапы. При покорении Кавказа царь и генералитет решили использовать казачество для защиты своих южных рубежей от набегов абреков, приняв казаков на царскую службу. Служивым казакам стало значительно легче материально, да и всякие льготы, звания, поэтому они и служили верой и правдой царю-батюшке.

Я помню себя до трех лет. При строительстве железной дороги на Кавказ одновременно закладывалась инфраструктура по обслуживанию железной дороги. На определенном участке, приблизительно через 1 км строились просторные кирпичные дома с квартирами, общением. В зависимости от рельефа местности, дома стояли не всегда через километр, но номер дома, соответствовал данному километру пути. Станция Мирская относилась к северо-Кавказской железной дороге, которая начиналась от станции Ростов. На каждом километре дороги строились дома для обслуживающего персонала. При царе квартиры строились по ранжиру: дорожному мастеру, начальнику станции две комнаты и кухня, бригадиру пути и дежурному по станции одна комната и кухня, остальному люду положена одна комната. До 1930 г. мы жили в однокомнатном доме, который стоял в конце станционных путей. Такие дома являлись рабочим местом и одновременно жилищем переездной сторожихи.

Моя мама и служила на этом самом переезде. На другой стороне стоял двухэтажный блокпост. Диспетчер контролировал движение

поездов с этого блокпоста, как только поезд на подходе, он выходил на балкон и кричал моей маме: «Дуня, закрывай переезд!». Поселились мои родители в этом доме в 1919 г. В 1920 г. 20 марта родился Алексей, в 1923 г. 10 октября – Ваня и 1927 г. 21 августа родилась я. Большая комната была перегорожена русской печью с плитой и делила ее надвое. В передней стояли детские кровати, стол, сундук и стулья. Имелись три окна с обзором прямо на рельсы влево и направо. К заднему углу дома примыкал двор за высоким забором. Во дворе – хозяйственные постройки. В хозяйстве была корова, свиньи и куры. Ближе к вокзалу расположен был переезд, приблизительно от дома на расстоянии 20 метров. На этой площади росли вишни, крыльцо из дома выходило в этот садик. Здесь и было мое любимое место: крышка на погребке.

Летом на Кубани дети не ходили в обуви, а вокруг галька и трава колючая. На этой крышке и было мое место игры. Мне приходилось за него активно бороться с проводниками на последнем вагоне товарного поезда: называли их «хвостовыми». К товарному поезду последним цепляли вагон с тормозом и проводник, в случае разрыва на подъеме поезда, ручным тормозом мог остановить оторвавшуюся часть. Сейчас этой профессии нет. Вагоны соединяют автоматически, машинист сам контролирует состояние поезда. От безделья в ожидании отправления поезда они и дразнили меня тем, что заберут у меня «будушку». Моя игровая площадка находилась в пяти метрах от обидчиков. Видимо, я была очень послушная, никогда не выходила на рельсы. Но и мать не выпускала меня из вида, я так думаю.

Мама была женщиной общительной, к ней приходили подружки, в этом случае меня сажали на стол, и я имела возможность толкать пальчиком огромный цветок розы. Куст розы был большой, я с пола достать цветок не могла, поэтому быть на столе составляло для меня большое удовольствие. Мне никто не мешал играть с цветами, я не мешала общению подружек. Юра, ты не веришь, что в этом возрасте

можно что-то помнить, но, видимо, это такое было эмоциональное удовольствие, что навсегда отложилось в памяти. Борьба с агрессором, который посягал на мою любимую собственность в виде подушки, то бишь «будушка», как я выговаривала, это был стресс для меня. Я храбро и громко говорила, нахмутив брови: «Это моя будушка, не отдам свою будушку». Это, видимо, здорово развлекало скупающих хвостовиков. Так я отстаивала свою собственность в виде маленькой подушки и тряпочной куклы, крепко прижимая их к груди.

Я не помню в это время отца и брата Ваню. Обедать придёт Алёша, и будет мне хорошо и весело с ним. Он мне рассказывал, почему дядя кричит маме закрыть переезд и она его закрывает. Моих «почемучек» была тьма, он никогда не отказывал в объяснении. Иногда по-

Брат Алексей
(1940 или 1941 г.)

сле обеда мы с ним уходили к друзьям и там мы были вольные птицы. Однажды он меня не досмотрел. Кто-то из взрослых полез на чердак дома, мы, малышня, играли возле лестницы и все полезли следом, я за ними. Дом высокий и я добралась до чердака, осталось переступить порог. В это время слышу голос брата: «Фаина, двумя руками крепко держись за лестницу, я иду к тебе!». Я в ответ: «Я крепко, крепко держусь!». Он меня взял подмышки и спустил вниз. Главное, мне не было страшно, и я перелезла бы на чердак, но я настолько любила брата, что никогда не капризничала и всегда

выполняла его просьбы. Он мне объяснил, что залазить на чердак без взрослых нельзя, так как руки у меня маленькие, и в случае падения я себя не смогу удержать. Если я надумаю забраться на дерево или ещё куда, то надо звать его, я ему пообещала. Алёша стал брать меня с собой в лесопосадки и учил лазить по деревьям. Рассказывал и показывал, какие деревья хрупкие, а какие хорошо гнуться. При переходе с

ветки на другую ветку надо держаться левой рукой и ногой стать на сук ближе к стволу, а правая рука и нога в поиске новой опоры. К шести годам я лазила по деревьям как кошка. Высоты совсем не боялась. Но походы были не часты, уроки брату надо выполнять каждый день, а я сидела у него на руках и задавала ему свои «почемучки». Он увлекался музыкой, шахматами, сделав уроки, мне говорил: «Пойдем с ребятами играть в шахматы?». Я всегда согласна, мне было очень интересно. Он мне объяснял ход игры, отвечая на все мои «как и почему».

– Сейчас мы собьём у Виктора офицера.

– А как? – тут же мой вопрос.

– Коником.

– Они не стоят на одной линии.

– Конь бьёт буквой «Г», – и следует подробное объяснение. Берём его в плен.

Я этих «пленников»ставляю по рангу. Я занята, и Алёша общается с друзьями.

Благодаря Алёше, в три года умела читать, освоила сложение и вычитание в пределах десяти.

Вскоре борьба с проводниками за свою собственность закончилась, появился отец и Ваня. Отец вернулся из годичной командировки со стройки железной дороги в Туркестан (Турксиб), а Ваня жил это время на хуторе у тёти Кати, сестры отца. Алёша уходил с утра в школу. По этой причине я не помнила в то время их лиц. С приездом отца, его повысили в должности, он стал бригадиром, и мы переехали на жительство на 220 км. На новом месте помню общий вид дома, двор, и заросли терновника, куда мне категорически запрещено было заходить. На 220-м я тяжело заболела, высокая температура, и запомнилось, как мой старший брат Алексей носил меня на руках по лугам, вдоль лесополосы, и, когда я открывала глаза, он садился среди полевых цветов, показывал их мне и не забывал предложить покушать яйцо и молоко. Я отказывалась, он повторял вновь, пока не уговорит чего-нибудь глотнуть.

Выдвижение отца по службе и переезд на новое место жительства не стало материальным благом для семьи. Мама лишилась работы, так как оставить 3-их детей на целый день не на кого. Весной 1932 года отец убыл в командировку в Забайкалье. Материально жить стало ещё хуже. В это время у нас украли корову, основную кормилицу. Горе и волнение в семье запомнились очень хорошо, корова была очень ценной породы, высокоудойная, такой коровы не было ни у кого. Милиция не смогла её найти. И мама решила, что украли не на мясо, искать надо в малоизвестных и малодоступных местах. Мама сказала ребятам: «Идем в терновник, а мне из дома ни шагу». Я очень переживала и боялась за родных, так как очень была напугана терновником, там можно заблудиться и волки съедят. Помню сборы: мама взяла вилы, старший брат топор, Ваня нёс фонарь «Летучая мышь». Мама хорошо знала эти заросли, так как, спасая своих земляков от расправы жандармов и казаков, они прятали их от репрессий в этих зарослях. Земляки-железнодорожники со станции Кавказской, которые присоединились к революционному движению во время репрессий, находили укрытие у земляков-путейцев в Мирской на 220-ом.

Братья тоже успели обследовать эти терновники. Корову нашли, но пришлось зарезать, так как она долго лежала связанной и встать на ноги уже не смогла. Мама не захотела продолжать жить на 220-ом, и мы переехали в общежитие на стацию Мирская. Мирская состояла из нескольких поселений: хутор Митрофановский, Молоканский, построена новая центральная усадьба совхоза (название не помню), напротив вокзала возвышался элеватор. Слева от элеватора находился двор путейцев, огорожен по периметру постройками и забором. Возле рельсов – бассейн, туда цистернами привозили воду из Кубани, рядом забор палисадника, возле дома в палисаднике декоративный кустарник и клумбы с цветами. В этом дворе я и совершила восхождение по лестнице на чердак дома в два года и 8 месяцев. Рядом склады плодово-овощной продукции, далее переезд, на котором служила мама, и рядом 223-ий, будка, в которой я родилась.

Между элеватором и вокзалом пролегали 1-ый путь, 2-ой – прямой, 3-ий путь к элеватору, 4-ый тупик, путь к нефтебазе и к эстакаде, с которой грузили в вагоны сахарную свеклу. С эстакады зимой мы катались на санках.

При строительстве станции Мирская был возведен вокзал, перрон. С левой стороны вокзала огороженный палисадник с цветами и декоративным кустарником, справа туалет. За туалетом, через дорогу, кладбище для железнодорожников. Вдоль дороги следуют жилые дома и тротуар. Рядом с кладбищем построен красивый дом на две половины, в одной жил начальник станции, в другой – дежурный по станции. Вокруг рос фруктовый сад, в этом саду начальник содержал пасеку. Там же на зеленом газоне летом спали жители соседнего дома и из нашего общежития, в том числе я и мои братья. Пчелы нас не кусали, мы на них не обращали никакого внимания. Начальник и его сосед работали еще при царе, старая интеллигенция, поэтому с нами, плебеями, не конфликтовали, но и не общались. Рядом находился кирпичный двухэтажный дом для других специалистов и следующий – наше общежитие. Дома окружены общим забором.

Во дворе этого дома находилась детская площадка с кучей песка. Мы в этой куче играли «в семью». Строили площадку в песке, это была комната, спальня, кухня. Кто имел соответствующие комнате игрушки, тот и строил к ним комнату. Мы менялись игрушками, соединялись, тогда у нас появлялись роли: папа и мама. Дети без игрушек включались в игру, но в роли сынков и дочурок. Сыном, как правило, был Юрик. Кто его научит дома? Начальник станции был вдовец, имел ребенка моего возраста, звали его Юрик. Присматривала за ним тетя неопределенного возраста, которую мы, дети, не любили, за ее пронзительно-визгливый голос. Ясное дело, мы играем «в семью», где мама выполняет домашние работы, «папа» учит «сына» забивать гвозди, ему играть с нами тоже нравится, в это время противный голос тетушки: «Ю-ю-юр-ри-ик, домой!». Со слезами он уходит.

Папа интеллигент, молоток в руках не держал сам, хромая старая тетка тем более, а в игре мы и постигали разные умения и знания. В своём детском уголке расставляли мебель, украшали жилища цветами, ветками, приготавливали обеды, сервировали стол. Копировали быт наших родителей, обогащая друг друга знаниями. Споров за лидерство никогда не было, игрушки приносили из дома свои, но, так как игра была общая, то игрушки были в общей игре, домой же уносил каждый свои. Я только взрослой поняла, какая это была школа для воспитания коллективизма, доброты. Мы не завидовали Юрику: ни его матросскому костюмчику, ни туфелькам. У нас тоже были туфельки или сандалики. Но мы были свободны! Он не имел такого счастья, как мы, бегать по лужам или в пыли по щиколотку. Его не отпускали с нами играть в лапту, потому что днем возле дома мы не играли в подвижные игры, надо было уходить за блокпост в балку. Дома маленькие детки и взрослые, пришедшие со смены, спали в это время. Он был лишен всего этого под строгим надзором тетушки. Семья старой закалки, интеллигентная, и его воспитали таким же, но инфантильным.

Когда случилась беда в семье и разразилась война, он не смог выйти с достоинством из трудного положения. После оккупации мне представилась возможность на лошади съездить в Мирскую. Друзья мне рассказали о горькой судьбе Юры. Отец его женился на учительнице, родилась девочка, и решил построить дом для семьи. Выбрал участок через дорогу от нашего участка, на котором мой папа заканчивал строительство нашего дома. Уже после нашего отъезда отец Юры окончил дом и вскоре умер. Мачеха отказалась Юру содержать, сам он не мог себя обеспечить и влачил жалкое существование. Если покормит кто, он сыт.

Тогда же узнала о трагической гибели одноклассницы и близкой подруги, её расстреляли немцы. Мы жили с семьей Диденко в одном общежитии, квартиры наши граничили. Отец работал грузчиком на вокзале, сильный красивый мужчина, под стать ему была и мать. Об-

щительные, весёлые люди, у них часто собирались соседи играть в лото. Дочери, Валя, старшая 1926 года, и Рая, 1927 года, были моими одноклассницами и близкими подругами. Нам разрешали играть в лото с взрослыми. Карта стоила 1 копейку. Если у нас собиралась своя компания, мы предпочитали свою компанию. Видимо, в таком режиме жили и при оккупации. Валя, веря в надёжность своих товарищей, предложила подпольно бороться с врагом. Кто-то её предал, приехали из Кавказской гестаповцы, и её расстреляли. Подробностей мне не рассказали, но были смущены. В предательстве можно было заподозрить любого из них. Они действительно ничего не знали, кроме факта расстрела.

В кирпичном доме жила семья дежурного по станции Крячко с детьми Виктором, Анатолием, Клариссой, наши родители и мы, дети, были очень дружны. Алёша и Виктор одноклассники и верные друзья, я бы назвала их братьями. Много позже у меня возникло подозрение, что наши родители были кумовьями. У нас в семье никогда не говорили о религии, ни хорошо, ни плохо. Вместе с другими детьми я принесла домой ветки с посадки на праздник троицы, украсила ими квартиру, мама пришла и попросила убрать их. На мой вопрос, почему убрать, ответила, нам нельзя. Я знала, что папа был членом ВКП(б). Расшифрую для правнуков: Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков). У подружек были крёстные, пыталась узнать у матери и я, кто моя крёстная. Наконец крёстная нашлась, соседка, которая жила напротив, любила приглашать меня к себе, угощала вкусняшками и выставляла игрушки. Особенно мне нравилось придумывать картинки и выкладывать их на картоне с углублениями, цветными шариками. Таня девушка не молоденькая, одинокая, работала билетным кассиром. Так появилась у меня крёстная Таня, я в это с радостью поверила. В действительности крестили меня в Ловлинской церкви, тайно, даже от папы, крёстной была родная сестра отца, тётя Катя. Возможно, там крестили и детей Крячко.

Алёша и его друг Витя собирались после школы поступать вместе в военное училище. Виктор научил Алексея играть на мандолине,

Алексей его в шахматы. Каждые выходные они играли на мандолинах танцевальные мелодии, а соседи танцевали. Запомнился случай. Воскресенье, к вечеру стало прохладнее, на скамеечки как обычно вышел народ, ребята начали играть, и танцевать пошел и стар и млад. Вдруг меня вытолкнули в спину из круга, повернулась, а мне девочка говорит, что не разрешает мне танцевать т. к. это её дом и площадка. Я в ответ сказала, что играет мой брат и мне не надо твоё разрешение. Она полезла в драку. Меня обида заставила дать сдачу. Когда мы днём играем «в семью», я разрешаю ей играть с моей посудой, а ей жалко танцплощадки! Она с плачем пожаловалась своей маме. Вижу, из дверей выбегает её мама, я только решила дать дёру, как между нами оказался Алёша. Вежливо говорит даме:

– Успокойтесь, малые дети, они через 5 минут будут вместе танцевать.

– Нет, я всё же дам ей встрёпку. Уже другим тоном брат сказал.

– Я не дам Вам бить мою сестру, для Вас будет более неприятно, чем для неё.

Я ликовала, за меня заступился брат, он не испугался этой несправедливой бабы. До этого случая меня никто не защищал. Алёша меня учил не создавать конфликтов, стараться решать их мирно, а Ваня тоже не заступался, но учил задирам давать сдачи. Мне очень понравилось уверенный и спокойный тон разговора Алёши, выходит, не боится агрессивной тётки. Я поняла, почему он не испугался. Он с другом собирался стать кадровыми военными, занимались боксом. Подросток оказался мудрее взрослой женщины.

Ей стало стыдно перед соседями, и она быстро ретировалась. Это тогда я усвоила урок, преподанный братом, стараться мирно искать выход из скандала. Если не получается мирно, скандальных людей обходить стороной, если сила не на твоей стороне, можно и убежать.

Наши сараи выходили на противоположную улицу. Напротив нашего общежития находилась усадьба: где был дом, вокруг сад, по периметру ограда в виде траншеи. Хозяина раскулачили и вывезли в ссылку. Ранней весной в дом вселялся кочевой табор цыган. Молодые

цыганки с малыми детьми спрыгивали с воза и удалялись добывать пропитание. Конюхи заводили подводы на усадьбу, кузнецы разжигали горнило и стучали молотками по наковальне, сообщая о готовности принимать заказы от населения. Пожилые цыганки разжигают костры и приготавливают еду, парни ставят шатры для барона и других цыган. А цыганята, наши одноклассники, вливались в наш коллектив, и мы вместе играли в подвижные игры: прятки, лапту, классики.

По аллеям этого сада ходили люди на объездную дорогу, где проживали знакомые на хуторах Молоканском и Митрофановском. Однажды мама со мной шла через этот сад к молоканам, я заметила в траншее шевеление, оглянулась и увидела, на меня смотрят четыре выпученных огромных глаза. Мать зашипела: «Не оглядывайся, перебирай быстрее ножками». Я всё же рассмотрела, два глаза принадлежали худощавому мужчине, а рядом два глаза кота со снятой кожей. Это февраль 1933 года, я знала о голоде в Поволжье. Нам хлеб привозили из станции Кавказской и выгружали в станционный буфет. По булыжной дороге мы с мамой ходили в 1932 и 1933 годах в станционный буфет за пайкой хлеба. Наша норма составляла кирпичик хлеба и ещё 2–3 довеска. Ходить по тротуару мы не могли, так как на тротуаре лежали грязные, очень тощие, голодные люди и тянули к нам костлявые руки, но мать всегда на протяжении этих лет отдавала довески этим людям.

Мы не голодали, но проблемы, финансовые и другие, были. Мама с Алёшей заготавливали сено, при погрузке Алёша проколол вилами стопу. Его положили в больницу. Для меня это было большое горе, я очень долго плакала. Однажды я осталась дома одна, Ваня в школе, мама куда-то ушла. Я набегалась и очень проголодалась. Прибегаю домой и в буфет за хлебом и молоком, а там ни крошки. Я села на пол и горько заплакала. Вдруг раздался Алёшин смех, я рванула к нему на руки, мы целовались, смеялись, я совсем забыла, что я голодная. Потом пришла мама и принесла халву и хлеб и накормила нас. Алёшу выписали из больницы, он дома сел на стул между огромных роз. Моя

цель была буфет, только на нём был сосредоточен мой взгляд. Поэтому среди листвы не заметила на стуле Алёшу. Мама объяснила, дома ни копейки, она ушла заработать к своим клиенткам, убрать в квартире, постирать и погладить их бельё. Статус учителя был настолько высок, что зарплата позволяла им нанимать обслуживающий персонал. Наконец из командировки вернулся папа. В доме всеобщая радость, маме не надо бегать на подработке.

Назначили его бригадиром, на 222-ом, это центральный участок, входит в него и вокзал. Дом для железнодорожников отличался от бригадных тем, что там находилась квартира из трёх комнат для мастера. В этой квартире продолжала проживать вдова покойного, а двухкомнатную квартиру бригадира занял вновь назначенный мастер. Тогда законы защищали человека, одинокая вдова проживала в квартире одна, только она могла попросить меньшую квартиру, выселить её никто не имел права. Свободных квартир не было, и наша семья из 5-ти человек, продолжала жить в общежитии в одной комнате. Чердак именно этого дома я покоряла в раннем детстве. Двор этого дома значительно больше бригадных домов на периферии: был там однокомнатный и трёхкомнатный дома, типа общежития, сараи, склады, баня, летняя кухня, мастерские.

Нам, детям, и в общежитии было хорошо. Братья с друзьями решили построить карусель. Папа подвёз телеграфный столб и выделил 4 каната. В мастерских нашли нужное колесо, детали для закрепления и вращения колеса. Собрали карусель и установили на площадке возле нашего общежития, и карусель заработала. Первыми испытать карусель сели его строители: Алёша, Виктор и Ваня, четвёртую петлю заняла я. Алёша мне объяснил, при разбеге отталкивайся в прыжке вперёд, при приземлении не становись, а с силой отталкивайся для прыжка вперёд. Ребята начали разбег, я взлетела вверх. Детвора и братья, где-то там внизу, а я летаю на уровне крыши дома. Восторг был неопишем. Постепенно меня опустили, я успешно приземлилась. Малышня окружила меня, и стали просить разрешения покрутиться

на карусели. Ребята стали уходить, но Алёша вернулся и сказал: «Станьте по 4 человека, кто с кем хочет кататься. Теперь по очереди катайтесь все». Но среди детей хозяйкой карусели, была я. Разрешила катание, а сама побежала в дом, сильно проголодалась. Обедать некогда, на улице столько важных дел, и попросила маму белого хлеба с маслом. С возвращением отца мы еще не насытились белым хлебом. Отцу положено топливо для быта. Он мог получить свою норму в виде угля или нефти. Он оформил нефть и обменял её на белую муку на мельнице, и зарплата в семье. 1933-ий, а у нас всё в ажуре. В сарае корова, поросенок на откорме, да и соседи не сильно бедствуют. Голодающих убавилось, куда они подевались, я не знаю.

Бегу на улицу и по пути уминаю хлеб с маслом, навстречу выскакивает цыганенок, сложив руки в мольбе, говорит мне: «Фаиночка, родненькая, миленькая дай раз укусить хлеба, я тебе потанцую на голове». А в огромных глазах такая мольба, что я не выдержала и протягиваю ему мою еду. На моё удивление рот у него оказался очень большой, он меньше меня, а откусил в два раза больше, чем я могла. Он честно свою кудрявую голову воткнул в придорожную пыль и завертелся по кругу. И снова стоит в той же позе и повторяет те же слова. Удивилась я его расторопности в проглатывании хлеба и выполнении танца на голове. Но теперь он потанцует на пузе. Меня не растрогали его танцы, я их видела не раз, а протянутые руки в мольбе. Они мне напомнили протянутые руки голодающих на тротуаре, и я машинально протянула ему кусок хлеба. Он старался открывать рот как можно шире и откусил опять порядочно. И трети раз он, как Ванька-встанька, стоит и вымаливает откусить хлеба. Я ему отвечаю, что у тебя на удивление очень большой рот, и хлеба для меня осталось мало. Тут же мы приступили к освоению карусели. Я не жмот, он получил вкусный хлеб и справедливый отказ.

Однажды папа приехал вечером из Кавказской и говорит маме:

– «Сегодня на партсобрании узнал, что будут принудительно изымать излишки зерна у населения». – Мама засуетилась и говорит:

- Пойдём в сарай и спрячем мешки с кукурузой.
- Как-то неловко, мы получаем паёк, люди увидят.
- Паёк дали, могут и не дать. Твои дети должны лечь на тротуар с протянутой рукой?

Он решительно оделся, они взяли фонарь и ушли. Я их ждала, вернулись и принесли домой полную выварку кукурузы.

Через пару дней, выбегая на улицу, и столкнулась в коридоре с тётей в красной косынке и двумя дядями, незнакомцами. Я задержалась и последовала за ними. Эта «троица», не постучав, распахнула дверь в первую квартиру, и женщина в красной косынке лезет под кровать и выволакивает мешок с кукурузой. Хозяйка растерялась, тянет мешок с зерном к себе, активистка к себе и ругается. Мужики переминались у двери. Меня поразило жестокое выражение лица, и злые глаза женщины в красной косынке. Мне показалось, что она ненормальная. Возможно, они были пьяные или перевозбуждены. Я вернулась к маме и предупредила об обыске у соседей и изъятии у них зерна. Она поступила рационально, поставила на плиту выварку с кукурузой и, налив воды, сверху положила бельё. Когда пришли к нам за кукурузой, пожалуйста, ищите мы не хлебобобы. Пока забирали в 1ой, обыскивали 2-ую и нас, остальные унесли свои запасы. Экспроприаторы только и унесли 3 мешка из первой квартиры.

Папа пришёл с работы обедать, и мама ему рассказала, что вытворяли активисты при изъятии зерна, он возмутился. Об излишках шла речь, а не выгребать последнее зерно. Но забирали всё зерно у рабочих, которые жили в общежитии и не все выращивали кукурузу, но могли иметь её в наличии. Родители спрятали 2 мешка кукурузы под сено в ясли у коровы, один закопали. Размер участка у всех одинаковый, на три мешка зерна. Родители решили поросёнка зарезать. Была в стране разруха после 1-ой мировой, революция, гражданской войны и жесточайшего голода в Поволжье. Но такая заготовка хлеба, даже для голодающих, преступление. Семья, у которой вынесли 3 мешка кукурузы, не смогла без потерь перенести голод. Старший 17-летний

сын, не выдержав голодания, съел дневную норму всей семьи, отец его избил и выгнал из дома. На крыше их сарайчика Сёмка и умер, не прожив и несколько дней. Его мать вынесла ему подушку и одеяло, он согнулся и до смерти не плакал, а жалобно скулил. Больше у нас никто не умер.

Канун Мая, появились овощи, фрукты, трава зеленеет, да и кукуруза не только у нас сохранилась. Люди стали покупать поросят. Мама привезла из Кавказской мне к празднику туфельки, платье и соломенную шляпку. Я бежать к подружкам, хвалиться обновками. Только я выбегаю из-за угла дома, а мне в левую бровь влетает камень и рассекает её. Я вся в крови, ору во всё горло. Выбегают родители, меня в больницу. Шрам остался на всю жизнь. Со временем он сгладился. Оказалось, паренёк запустил из другого угла дома камень, в чужого поросёнка, а попал в меня. Рана стала подживать, решили меня на лето отправить в Ловлино к тёте Кате. Там нет сутолоки людской, хуторяне – земледельцы и транспорт у них – повозка, а тягло кони или быки.

Семья моего отца – беженцы из Гродненской губернии, Слонимского уезда, д. Гощево. Сейчас это Брестская обл., Берёзовский р-н. Дед, Мойсейчик Антон, умер на родине до начала 1-ой мировой войны от туберкулёза. Бабушка уехала в беженцы с сыном Константином, моим будущим отцом, и семьей дочери Екатерины Антоновны. Семья была не из бедных, говорят мне некоторые факты. Мой отец, простой деревенский парень, имел неполное среднее образование, владел ремёслами, плотник, столяр и жестянщик. Главное, он владел ремеслом и имел отличные инструменты для выполнения этих работ. Удивительно, и тётя окончила церковноприходскую школу и прекрасно шила одежду. В деревнях мальчиков отдавали в школу после окончания выпаса скота, свиней и гусей. Я это наблюдала в деревнях Западной Белоруссии в 1945 году. Учили мальчиков, чтобы смог из армии весточку прислать. Девочек вообще не посылали в школу. Их удел – прядение и ткачество. Для этого необходим навык, а не грамотность.

Муж тётки, Белый Илья Семёнович, жил в семье бабушки, это говорит о том, что он примак. Сватался, ему отказали, был бы богатый – не отказали бы. Но была обоюдная любовь, он уезжает в Америку, она его ждёт около 3-х лет. Из Америки он не только доллары привёз, главное, он изучил устройство всех сельскохозяйственных машин и их ремонт. На хуторе Ловлинский, где поселились семья тётки, жил богатый землевладелец Тарусин, который имел паровую молотилку для обмолота зерна. Дядя устроился к нему машинистом. Договорились, за пуд намолота, хозяин молотилки берёт оплату зерном. Из этой квоты, часть зерна идёт дяде в оплату за работу машинистом. Молотить обращалась вся округа. Хлеб – это золото, поэтому семья Белых быстро разбогатела.

Меня привезли к ним в мае 1932 г., очень понравилось, и подружка оказалась по соседству. Усадьба большая, огорожена. Слева от ворот у ограды построена обычная украинская хата. Белые построили её, как только поселились на хуторе. Называли такие хаты «мазанки» [разновидность глинобитных домов из глинистого грунта с волокнистым наполнителем, обычно соломой]. Ставили столбы, обрешётку, смешивали глину с измельчённой соломой и набивали за решётки в стены. Всё обмазывали глиной и белили известью. Крыли соломой или камышом. Обычно строения эти однокомнатные, в углу русская печь с плитой. После постройки нового жилого дома эта хата стала летней кухней. Вплотную к хате примыкали сараи для кур, свиней и коровы. Земельный участок был на перекрёстке двух улиц. Справа от ворот находился дом, крытый черепицей, такие дома называли пятистенкой, так как он был перегороден на две половины. Перед домом, со стороны улицы, в палисаднике клумбы с цветами и росла Танина яблоня, названа именем их единственной дочери. Во дворе оборудован рукомойник, для тени пару фруктовых деревьев, цветы. В противоположном углу двора расположен погребка, это сарай с погребом, рядом вместительный амбар, где в закромах всегда было зерно. За этими строениями находился сад, в котором была пасека, огород, а

дальше – чистое поле. Там был оборудован ток, на котором стояла паровая молотилка, на которой и зарабатывал прибыль хозяину молотилки и себе неплохую зарплату Белый.

Крыльцо в дом цементное, в сенях и кладовке полы тоже покрыты цементом. В кладовке на полках хранились продукты, меня они не интересовали. А посудина, которая стояла на полу, очень была для меня привлекательна. Там был мёд и ложка, в любое время я могла зайти и в тарелочку набрать мёда, не спрашивая разрешения. Первую комнату занимали дядя и тётя. Стояла их кровать, горка для посуды, стол, стулья, шкафчик. На шкафчике стоял кувшин с водой, кружка и лампа стеклянная на высокой ножке с узорами. Точную копию мы купили в Белоруссии, после войны, и хранится она в старом буфете в сарае. Юра не стал её выбрасывать.

Вторую комнату занимала их дочь Таня. Обставлена комната была со вкусом. Главное место в красном углу занимал иконостас, тюлевый занавес, несколько икон, всегда была зажжена лампада. Рядом письменный стол, мягкий стул и на столе лампа с зелёным абажуром, которая мне очень нравилась. Стол стоял торцом к окну, дальше одёжный шкаф и дверь на выход. Справа стояла кровать Тани, этажерка с книгами, диван и кресла. В деталях эти вещи я не опишу, они мне помнятся размытыми, что-то лежало на полу, висело на стене. Таня уехала учиться в железнодорожный техникум, в её комнате поселили меня.

Выше я доказывала, запоминается то, что поражает воображение. Чётко вижу иконостас, я его боялась, но не говорила никому, что мне страшно. Деву Марию с младенцем на руках не боялась и на ней старалась остановить взгляд, а от Иисуса Христа и святых отводила глаза. Очень страшно было от их сурового взгляда. Любила смотреть на зелёный абажур лампы и дверные ручки, которые были стеклянными, зелёные в тон абажура, и искрились от света. Такие же ручки были в первой комнате, но красные, и книги. Я могла читать любые, даже скучные.

Иногда дядя говорил, что ездил в Мирскую и сообщал, что Алёша в отъезде на соревнованиях, или что-нибудь другое придумает. Усадьба и дом дяди находился через улицу напротив сельсовета. Фасад дома Белых развёрнут в сторону сельсовета, с другой стороны сельсовета, через дорогу, находился большой кирпичный дом богатого земледельца. Эти три строения занимали противоположные углы на пересечении улиц. Эти дома и будут объектами моих описаний.

Когда я появилась в Ловлинской, хозяин молотилки был раскулачен, сидел в тюрьме в городе Кропоткин, станция Кавказская, фамилия Тарусин с приставкой «кулак». Его кирпичный дом состоял из большой комнаты, кухни, прихожей под названием «сени», и помещения, в котором стоял породистый жеребец. Во дворе конюшня, он был не только земледельцем, но и коннозаводчиком. На базе его хозяйства, организовали колхоз, возглавил его достойный казак Шацкий. Белые и Шацкие дружили семьями. Шацкие поселились в доме раскулаченного Тарусина, жеребец в доме стоял, а в конюшне на стеллажах разводили тутовый шелкопряд. С Шацкими я познакомилась и подружилась. Их дочь Валя, чуть старше меня, мальчик наоборот, младше. Мама их из казачьего рода – говор выдаёт, чей ты – трудолюбивая и добрая женщина. Она и выращивала этих гусениц. Имея своё подсобное хозяйство и двоих детей, которые ходили за ней следом, пока она заготавливала корм для тутового шелкопряда, ей было тяжело. Тяжело было и маме, и её детям.

Как только я появилась в Ловлинской, тётя свела меня с детьми Шацких. Других детей по соседству не было, и моё появление они восприняли с радостью. Любительница лазить по деревьям, я сразу подключилась к заготовкам корма и увлекла Валю. Я залезала на дерево, ногой пригибала нижнюю ветку, Валя обрывала листья, так как могла их достать. В это время я обрывала верхние веточки. Этот корм несли в мешках в большой сарай, и там раскладывали по стеллажам, где выращивали тутовый шелкопряд. Интеллектуально я была намного более развита, чем мои новые друзья. Для их мамы они были маленьки-

ми несмышлёнышами, да ей и не было времени выслушивать их «почему». Я тоже не смогла ни разу задать своё «почему» ни папе, ни маме. Они тоже были трудоголиками. И когда мы принесли корм гусеницам, я увидела их впервые, у меня открылся водопад «почемучек». Я лазила по деревьям уже не из баловства, а занималась серьёзным делом, из выращенных нами коконов изготовят крепдешин, всем польза и все будут рады. Очень было интересно наблюдать, как они вылупливаются из яиц, быстро находят свежий корм и завиваются в кокон. Стеллажи нужно убирать, раскладывать корм. Благодаря мудрости Шацкой, мы узнали о выращивании тутового шелкопряда, изготовлении натуральной шелковой нити и ткани. Дети были под надзором, подвижные и, главное, им было это в радость. Рядом с усадьбой протекала речка, причём неглубокая. Скучать было некогда.

Поездки на лето в Ловлинскую окончились в 1933 году. По ложному доносу раскулачили дядю Илью Семёновича. Его без расследования арестовали и увезли в тюрьму. Дома сразу начался грабёж, хватали мебель, одежду и всё, что можно унести. Тётя стояла оглушенная и не могла понять, откуда появились эти звери. Вынесли всё: ни лампы, ни кружки, ни кастрюли – и стоит она в пустом доме, одетая в халатик с фартуком, на ногах тапочки, на голове пуховая косынка. В дверях лежит одёжный шкаф, который не смогли вытащить. Глянула в комнату – там пусто, и только на полу лежит раздавленный ногами иконстас. Иконы топтали с остервенением. Иконы были двух моих бабушек, мамины и тётнины. Глянула во двор и видит, распахнутые двери летней кухни, сарая, амбара, внутри пусто, ульи с пчёлами унесены. Даже позавтракать нечем. Объявили ей, что строения тоже изъяты, и она должна освободить помещение.

Она пешком идет в Мирскую к брату, к нам. Отец немедленно едет в Кавказскую, в свою партийную организацию большевиков, и рассказывает о беззаконии чиновников. Расследование установило, что молотилка, на которой дядя молотил людям хлеба, не его собственность, а он наёмный механик у владельца молотилки. Владелец был раскула-

чен, но ещё не выслан в Сибирь. Он подтвердил, что Белый работал у него по найму. Дядю выпустили из тюрьмы и предписали имущество, конфискованное незаконно, вернуть владельцу. Имущество пропало бесследно, найти смогли только кухонный шкафчик и дешёвую настольную лампу, их нашли в сельсовете. Пришлось продать дом с постройками и переехать в станицу Казанскую, там дядя устроился в Миловановскую МТС (машинно-тракторная станция) на должность механика по сельхозмашинам. Увиделась я с ними только в июне 1941 года. В это же время состоялась встреча и с друзьями детства Шацкими.

Пока папа вытаскивал дядю из тюрьмы, тетя жила у нас. В это время случился пожар, загорелся поселковый магазин. Расположен он был напротив нашего общежития. Все побежали смотреть пожар, где же я отстану. Перебежала все станционные пути, под эстакаду и смотрим: примчалась пожарная команда на тройке лошадей, стали тушить. Я решила подойти ближе к горящему зданию, правильно перебежала улицу – и в калитку конторы Заготзерно. Видеть пожар мешала открытая противоположная створка ворот. Я решила перебежать на противоположную сторону и оттуда вести наблюдение. К пожару подъехала водовозка, я начала бежать, а быки в упряжи испугались и рванули не по дороге, а с поворотом в ворота. Сбили меня удачно, я не попала под колёса, а между быками. Копытами разбили голову, повредили позвоночник и растоптали правую ладонь руки. Сознание я потеряла сразу. Очнулась на руках отца, рядом с ним бежит мама. Заметила, что мы возле почты, поняла, меня несут в больницу, и потеряла сознание.

Больницу не помню. Осталось в памяти, я без бинтов, пытаюсь залезть на родительскую кровать – и не могу, нет сил, и боль не пускает. Ходила я как утка, перекачивалась со стороны в сторону. В доме было скучно, в основном молчали. Я стала считать себя виноватой в семейном горе и старалась не приставать. Когда все уходили, я пыталась всё же залезть на кровать. Кровать накрыта красивым покрывалом, а подушки тюлевыми накидками, и на кровать никто днём не садился.

Наконец у меня получилось. Когда пришли все домой, я отвернула покрывало и залезла на кровать. С восторгом закричала: «Я уже могу залезть на кровать». Со мной никто не проявил радости, только мама печально посмотрела и ничего не сказала. Я тоже угасла, поняла, что все горюют, что я хожу как утка. И я стала пытаться ходить ровнее. Да так старалась, что вошло в привычку. Восстановилась полностью, и я снова стала играть в подвижные игры, танцевать и лазить по деревьям.

В 5 лет я бегло читала, умела решать задачи на сложение и вычитание и играть в шахматы. В семь лет я захотела в школу, а принимали только с 8-ми лет. В нарушение закона, меня приняли, но как только явился ещё один ребёнок, меня отчислили. Это было для меня большим горем, выплакано много слёз, но в классе не было мест. Первый класс был размещён в прихожей барского дома. Учеников было 36, появился 37-ой, и меня отправили домой. Парт вместились только 9, между рядами можно протиснуться только боком. Стол учительницы стоял во входной двери.

В 1935-м я пошла в 1-ый класс средней школы, построенной совхозом на центральной усадьбе. Длинные коридоры, большие светлые классы, рядом отличная рабочая столовая, клуб с трибуной и кинотеатром, который расположен на границе нашего посёлка и жилой зоны совхоза. Жилая зона состояла из двух рядов домов, современных по тем временам, коттеджного типа. Перед ними аллеи. Учитель молодой, заводной Кирилл Андреевич. Учиться мне было легко, я с удовольствием выполняла уроки, много времени они не занимали, но на перемене – подвижные игры, после уроков – кружки и разные внеклассные мероприятия. Всю жизнь вспоминаю Кирилла Андреевича теплыми словами за его умение заинтересовать учеников, тактично воспитывать нас. В классе не было конфликтов, родителей в школу он не вызывал, никогда не повышал голос на учеников, со всеми был доброжелателен. Объяснял уроки живо и, где уместно, с юмором. В школе был порядок, учитель входит в класс, все встают и приветствуют. Учитель открывает журнал и называет фамилию ученика по спис-

ку. Каждый должен встать и ответить «Я». Андрей Кириллович на такую ерунду время не тратил. Он входил в класс и сразу задавал вопрос: «Сколько будет $5+3=?$ ». Мы поднимаем руки, не вставая, даём ответ. Перешли на счёт десятками, он нам объясняет, рассказывает, как легко можно складывать более сложные цифры в уме. Пример: $8+7=15$. Сколько прибавить к 8, что бы получилось 10. Ответ 2. Вычитаем из $7-2=5$, $8+2=10$, $10+5=15$.

Я всю жизнь ему благодарна за умение быстро считать устно. Пока современные продавцы пальчиком постучат по калькулятору, я в уме успеваю рассчитать и сумму, и сдачу. Копейки я не требую, оставляю им, а рубли просила отдать, и не раз.

Хотела научиться играть на гитаре, но не решилась просить у родителей купить инструмент. Я помнила, что Алеша учился играть с другом на его инструменте, пришли к нам, и Алёша продемонстрировал родителям игру на мандолине. Родители сразу согласились и купили ему инструмент. Алёша был мой кумир, я решила, что только так правильно надо поступать. В музыкальном кружке гитары не оказалось, мне вручили трензеля (элемент узды лошади. – *Ред.*). Без проблем я повторила мелодию на этом металлическом треугольнике и поняла, не этого я хотела. Кружок по шахматам мне не понравился, там начали с азов, а я уже прилично играла. Умение играть в шахматы мне помогло избежать больших неприятностей во время оккупации на Кубани в 1942 году. Рукоделие, вышивка гладью и крестиком освоила за пару занятий. Вышивать я смогу и дома. Выбрала литературный кружок, где занимались старшеклассники. Я прочитала стихотворение, и меня приняли. Читать выразительно меня научил Алёша, а в кружке ставили небольшие постановки, интермедии. Это и привлекло. Записалась еще в танцевальный и хоровой. Потянуло с младых лет на эстраду. Шучу, но с 1-ого класса по 6-ой не пропускала занятия в этих кружках без уважительных причин. В 6-ом классе мне пришлось учить танцевать моих одноклассников. Более счастливых лет, которые я провела в начальной школе, у меня не было. Дома достаток, в школе

интересно, и с радостью бегу на занятия. Именно бежим, как только мы переходим железнодорожные пути, к нам присоединяется наш любимый Кирилл Андреевич. Он большой и шаги несравнимы с нашими, поэтому мы и бежим 1 км до школы. Всю дорогу он с нами разговаривал и шутил. Только мы начали бег, как он объявил, что я сегодня именинница. Я так важно отвечаю, что вы ошиблись, мои именины прошли в августе. Он объясняет, только я написала диктант на 5. Я успела подумать, что диктант очень легкий и не велика заслуга, как он уже говорит, какой наступает праздник и что нам надо сделать, что бы достойно его встретить.

Он с нами не репетировал и не учил танцевать. Он руководил, а работали с нами пионервожатые и комсорги, главное, мы сами придумывали номера, так нам казалось, изготавливали костюмы. Праздник ждали и с большим желанием шли на демонстрацию. Как и в послевоенное время, с флагами и транспарантами, а мы, по желанию, с цветами и одетые в национальные костюмы народов СССР. Колонны шли к дому культуры, где на площади проходил непродолжительный митинг. После гимна начинался праздник, объявляли танцы под оркестр, после каждого танца выступает самодеятельность, и так до вечера. Мы тоже выступаем в национальных костюмах и танцуем танцы этих народов. Для меня не имело значения, какой национальности мои друзья, как это не имело значения и для народов других национальностей, проживающих в СССР. Великая Отечественная доказала, что дружба между народами – мир, а Украина доказала, что вражда – это война и горе. На праздник никого не загоняли, молодые шли на праздник, а пожилые оставались дома и даже работали по хозяйству.

Если надо отлучиться, уходили домой, потом возвращались, и праздник продолжался до ночи.

Мои родители никогда не ходили на демонстрации. Даже когда отца повысили в должности, он стал дорожным мастером, не организовывал подчиненных на демонстрацию. По должности ему положен был парадный белый мундир, из-за ненадобности он выбрал синий,

рабочий. Его подчинённые, как и работники других служб, сами решали, каким образом они будут отмечать праздник.

В 1935 году у нас случилась большая неприятность. Вызвали в школу родителей отца и мать на заседание. Алёша попал в большую передрагу. Проступок его заключался в том, что в туалете кто-то из ребят запел царский гимн «Боже, царя храни». В это время Алексей был там и, как комсомолец, не принял соответствующие меры по пресечению антисоветчины и даже не доложил по инстанции. Что характеризует его, как политически незрелого, поэтому он недостоин быть в комсомоле. Исключение из комсомола означало автоматическое исключение из школы. Он рассказал, сдавали последний экзамен за 7-ой класс, успешно сдав, Алёша зашёл в туалет, где дурачились ребята. В честь окончания НСШ [неполной средней школы] кто-то и затянул этот гимн, когда он подошёл, его уже не пели.

Доносами у нас в семье никогда не занимались, прошли учёбу на ложном доносе на родных Белых, дядю и тётю. Захотели компромат расширить и на отца, коммуниста, участника Гражданской войны, большевика, члена ВКП(б). Возмущенный отец обратился в свою парторганизацию, которая находилась в Кавказской. Там называли это травлей. Пока шли разборки, надо решать вопрос с продолжением учёбы. Родители посоветовали поступать в педучилище. Будет среднее образование и специальность. Город Кропоткин рядом, на выходные дома будешь. Он и поехал. Оказалось, на 1-ый курс уже набрали, но есть свободное место на 2-ой курс. Если через неделю сдашь экзамен за 1-ый курс, для тебя это шанс поступить в педучилище. Он приехал с программой и учебниками за 1-ый курс и попросил тишины в доме, так как он должен был подготовиться к сдаче экстерном за 1-ый курс педучилища. Папа целый день на работе, мама на огороде, Ваня и я с утра уходили на улицу. Родители приходили на обед, мы с ними обедали и уходили снова на улицу.

Только вечером мы возвращались домой. Алёша постелил на пол ватное одеяло, разложил учебники, программные материалы и с утра

до ночи, 7 дней подряд изучал программу 1-го курса педучилища. В понедельник уехал поступать и успешно стал студентом 2-ого курса Кавказского педучилища. И разрушена мечта Алеши и его друга Виктора Крячко вместе поступить в военно-морское училище после окончания средней школы.

Пережить расставание с братом мне помогло поступление в школу и его приезд на выходные. Приезжать он стал реже, оказалось, умение играть в шахматы вывело его в лидеры олимпиад по шахматам. Шахматные победы меня мало интересовали, я ждала брата, и это был праздник. А он доигрался и уехал в Ленинград на всесоюзную олимпиаду по шахматам. Вернулся победителем. Все его поздравляют, жмут руку и сокращают время моего общения с ним. Запомнилось, на лацкане пиджака появился значок в виде шахматной доки и на её фоне фигура шахматного коня. Наверное, это означало присвоение, какого-то звания или разряда.

После трудных лет родители стали обустривать свой быт. Они трудоголики, и очень скромные в быту. Родителям надоело жить в общежитии, когда освободилось место бригадира на периферии, он согласился на него. Отец был добрым, не курил, не пил, но алкоголь в буфете у нас стоял всегда на случай приезда гостей. По характеру отец очень отличался от других. Никогда не повышал голос не только на подчинённых ему рабочих, но и в семейном кругу. Никогда мы не слышали семейных разборок. Но в 1938 г., я оказалась дома, вернулся с работы отец и говорит матери, что потерял складной металлический метр. На руки к нему рванул годовалый Витя. Как это произошло, стала выяснять мама. В кармане оказалась дыра, он слышал звук падения, оглянулся, но ничего не увидел. Бабушку, а мою маму, вы знаете, она начала удивляться, как это, слышать падение и не нагнуться поискать. Дыру она сразу ликвидировала, а спровоцировать отца на дискуссию ей не удалось. Он начал качать на руках Витю и тихонечко напевать песенку:

Сама садик я садила, сама буду поливать,

Сама милого любила, сама буду забывать.

На этом диалог закончился, и конфликт был исчерпан. Поэтому я не знаю продолжения песни.

Спокойным и выдержанным отец был не только в семье, но и с подчинёнными, и с соседями, не отказывал соседям в помощи как жестянщик, столяр, стекольщик. Отец никогда не употреблял нецензурные слова, и я никогда их не слышала от других людей в нашем окружении. Но и нам приходили на помощь при заготовке сена и других потребностях. Мама начала выращивать коров, бычка на мясо, а из тёлки – корову. В хозяйстве у нас постоянно находилось две коровы и молодая тёлка, пару кабанчиков, курам счёта не знали. Они умудрялись выводиться даже в бурьяне. На основной работе отца каждый год отмечали премиями по результатам проверки состояния пути на его участке. Первая премия – это фотоаппарат «Зоркий» (по-видимому, имеется в виду фотоаппарат «ФЭД», «Зоркий», его точная копия, выпускался только в послевоенные годы. – *Ред.*), следующая премия – патефон, денежные премии.

Фотографировать учил Алёша. Папа имел мастерскую, где был верстак, полка из обтёсанных досок на всю длину сарая. Там находились все личные инструменты отца. Братья обустроили там место для проявления плёнок и печатанья фотографий. Пригодился и железно-дорожный фонарь, квадратные стороны которого закрывались цветными стёклами. Алёша учил Ваню печатать фотоснимки, а меня проявлять и закреплять. С этого времени у нас стали появляться фотографии. Алёша вскоре уехал на педпрактику и оставлен там преподавателем русского языка и литературы в старших классах. На мои вопросы, где работает и живёт Алёша, мама отвечала: «Где-то в горах».

При переезде на 226 км, ближе к Кавказской, в школу пришлось ходить пешком 5 километров вдоль железнодорожного полотна. Я и мальчик ходили в 4-ый класс, пятеро – с 1до 3-его. Брат Ваня с малышами ходить отказался. В новом коллективе одноклассник решил показать мне, кто в доме хозяин, стал задираться. Мне надоело, я его

предупредила, не прекратишь безобразничать – поколочу. Пришлось поколотить. Он был на вид чуть выше и крупнее, но я верткая и дралась двумя руками, в правой руке портфельчиком, левой кулаком. Я никогда не затевала драк, но и бить себя не допускала. Мы переехали поздно осенью и ходили в школу во вторую смену. Южные ночи тёмные, идем мы домой, вокруг шумят лесополосы, ни души и зловеще горят светофоры. Особенно становилось жутко возле светофоров, когда под ногами гудят приборы в тоннеле, а светофор светит фиолетовым и зелёным цветом. Мы знали, идёт поезд-тяжеловес. Бандиты на железной дороге, никогда не исчезнут. И, естественно, мы постоянно слышим эти страшилки от взрослых. Малышня жметя ко мне от страха, а одноклассник начинает скулить, что-то ему показалось, и еще больше пугает малышня. Мне тоже было страшно, в груди холодок появлялся, но, жалея малышня, я скрывала свой страх. Тем более, страх кончался через 300 метров. Дальше начинались глубокие балки и никаких лесопосадок. Но пришлось этого трусишку снова проучить. Я думала, что он нарочно пугает детей, но оказалось, действительно не умел скрыть свою трусость.

У нас появились деньги, а в магазинах пустые прилавки. Отцу положены бонусы, один билет в плацкартный вагон по СССР и два билета по своей дороге бесплатно на всю семью. В Москву и Ленинград мама ездила с Алёшей, поднести покупки, постоять в очереди. Алёша учиться, а Витя грудничок. В поездку в Ереван и Баку с мамой еду я. По второму билету в Тбилиси меня снова снимают с учёбы. Без меня дети отказались идти в школу, пришлось родителям по очереди сопровождать их за светофоры и посадки. Я поняла, что мой товарищ действительно боялся, я ему объяснила, что ему надо побороть страх и как это возможно сделать. Но не сказала, что папа завёл меня в тоннель, показал на кучу поводов и приборов, карманникам здесь делать нечего. Надо думать головой, фантазии в сторону.

При переезде на 226 км возникли проблемы с покупкой продуктов. Вагон-лавка, с продуктами находилась в Мирской, продукты за-

купать можно оптом, кроме хлеба. Мама будет печь хлеб сама, но надо приобрести формы, дежу (кадушка для приготовления теста. – *Ред.*). Когда мы жили в Мирской, за хлебом в лавку я ходила с 5 лет каждый день. Мне это очень нравилось, мне давали 20 копеек, булка хлеба стоила 18 копеек, сдача 2 копейки. На обратном пути я заходила в станционный буфет, и буфетчица с улыбкой протягивала мне шоколадную конфету в виде бутылочки, внутри был напиток. Я предложила, при возвращении со школы, могу заходить по пути в лавку и приносить домой булку хлеба.

Всё проходило нормально, но однажды мне дали 5 рублей, я, как обычно, положила их в книгу, запомнив страницу. Зайдя за хлебом, я денег в книге не обнаружила. Домой пришла без хлеба, рассказала, что произошло. Мать вздохнула, но ничего не сказала, целые сутки семья без хлеба, да и денежная потеря не малая. Я села за уроки и слышу в кухне голос соседки. Входят ко мне в комнату, и мать мне говорит, что у меня не украли деньги, а я накупила шоколадных конфет и даже всех угощала. В руках держала обертку от конфеты, как доказательство моего обвинения. Требовала моего чистосердечного признания. Я сказала, что я говорю правду. Тогда мать взяла ремень и снова потребовала правды. Я твёрдо ответила: «Я говорю правду, деньги у меня украли». Мать меня ударила ремнем и требует сказать правду. Ударит и требует правды. Было очень больно, я плакала, но сказала, хоть убей, но я говорю правду. Соседка убежала, а мама пришла в какое-то неистовство, и стала хлестать безжалостно. Я упала на пол и вдруг, о чудо, я совсем не стала чувствовать боли, никакой. Нет боли и слезы пропали, на материны окрики признайся, я очень спокойно, лёжа на полу, отвечала, я говорю правду. Это её и остановило.

В комнату вернулась соседка, и они вышли в кухню. Я встала и стала осматривать свои бёдра и ноги, они были в темно-бордовых полосах, которые нескоро исчезли. Утром мы пошли в школу, но соседской девочки с нами не оказалось. Только через пару дней, случайно в летней кухне, услышала разговор, из которого я узнала, куда исчезла

моя одноклассница. Девочка из многодетной проблемной семьи, тётя бездетная, чтобы помочь родной сестре, взяла её дочь к себе на воспитание. Так у нас появилась соседка. Она зашла к нам за мной перед школой и видела, как мама дала мне деньги и куда я их положила. Она украла и купила на них шоколадные конфеты, обвёртку которых нашла её тётя. Естественно, спросила, откуда у неё конфеты, она и придумала оправдание, свалив всё на меня. Наутро тётя отправила назад её к родителям, это вороватое и лживое чадо. Она призналась в воровстве сразу, как только увидела ремень. Я обиделась на маму, не за жестокое избиение, а за неверие в мою правдивость. Нас никогда не наказывали за наши промахи в поведении, но надо не лгать, признаться, как и почему это произошло. Так получалось, что мы сами делали вывод, что такое хорошо, и что такое плохо. Родители либо соглашались с нами, либо обсуждали другие варианты. Орать, тем более бить, такого никогда не было. Но такого разбора никогда не было, мама тоже ходила надутая. Я думаю, что ни братья, ни отец не знали об этом эпизоде. Я сама разобралась и поняла маму, но не забыла.

Нам не хватало общения с отцом, он даже свой кабинет отдал под квартиру. Составлять ведомости и оформлять другие документы приходил домой. Если я дома, работать ему не дам. Не успеет он сесть за стол, как я уже вишу у него на плечах и кувырок к нему на колени. Уговоры не действовали. Тогда папа говорит, мозги не варят, снимаю ремень, и будем учить попу. Я быстро юрк под кровать и хитро улыбаюсь, теперь я знаю, где самое безопасное место. Папа сказал, я так быстро убежала, и далеко спряталась, что он не может меня достать. Нас никогда не пороли родители. Мне было около 7 лет, но запомнилось спасительное место под кроватью. Вскоре я утварила что-то подобное с маменькой. Финт мой под кровать не помог. Она мгновенно рванула кровать в сторону, тем более, что она на колёсиках, – и я в её руках. Получила, что заслужила. Естественно, вывод напросился сам, папа меня очень любит, наказывать не стал, и под кроватью не спрячешься. Чтобы не попадало ремешком, лучше слушать маму, но и папу,

я его тоже люблю. Я всегда была послушная, что толкнуло меня на непослушание, думаю озорство.

Только когда самостоятельно начинаешь решать свои житейские проблемы, понимаешь, что главное в выживании – это родительское воспитание. На второе место я ставлю образование, в том числе самообразование. Как только ребёнок начинает разговаривать, он знакомится с окружающим миром, и появляются его «почемучки» и «а как». Мне это засело в голову, прежде чем бросаться в панику, бери себя в руки, сосредоточься и принимай решение, что делать дальше. Я думаю, что такие ситуации, через которые мне приходилось проходить в детстве, и позволили мне достойно выжить во время войны.

Я помню волнение родителей, когда отца назначили бригадиром на железнодорожный узел станции Кавказская. Отец говорил, что всегда Кавказская была на последнем месте в смотрах. Как результат проверки, наступала расплата, очередное снятие с работы. Очень волновались, возможно, и отец не сможет исправить сложившееся положение. Станция Кавказская – крупный железнодорожный узел. Ворота в Закавказье, Ставрополь, Краснодар и дальше в Новороссийск. Паровозное депо и другая инфраструктура. Ремонт и обслуживание путей возможен только при остановке движения на данном участке. Что было невозможно в данном случае. Отказаться от назначения отец не имел права, да его и не спрашивали. Домой приезжал на выходные, но и свой участок не оставлял без присмотра, очень уставал. Я видела, как работал с бригадой отец на нашем перегоне.

По сравнению с дореволюционным временем движение по железной дороге на Кавказ возросло в разы. Знать двигалась на воды с комфортом, не спеша, с променадом на вокзалах. В связи с индустриализацией страны, движение по железной дороге с Кавказом увеличилось действительно в разы, особенно грузовые поезда с Бакинской нефтью. Управление движением поездов перевели на автоблокировку. Минимальное расстояние между поездами один перегон (2 км). Службы движения не отставали, тоже старались увеличить грузопе-

ревозки за счёт грузоподъемности. В угольной промышленности появилось звание «Стахановец», на железной дороге за вождение тяжеловесных составов, присуждалось звание «Кривоносец». Машинист паровоза по фамилии Кривонос впервые провёл состав намного тяжелее обычных. Появились последователи, но вагоны соединялись тоже по новой технологии, автосцепкой, которая не выдерживала тяжести состава, и он разрывался на подъёмах дороги.

Выход нашли в толкачах. Маневровый паровоз подталкивал состав на подъёме дороги. С Мирской поезд уходил самостоятельно дальше, а толкач отправляли на запасной 4-ый путь. Там он ожидал окна между поездами для возвращения в Кавказскую. Внуки мои могут и не иметь понятия, что такое слово «толкач», я его буду употреблять в воспоминаниях, поэтому решила растолковать его происхождение. Ремонт дороги не успевал за износом колеи. Отец был хороший организатор, аккуратный, весь инструмент находился на своем месте, легкодоступен, всегда исправен. Выработал свою тактику в работе. Ремонт вел небольшими участками и сразу две колеи. Идет поезд – уходит работать на второй путь, прошёл – вернулся назад. Следил за новинками по ремонту и старался внедрять их на своём участке. Считали его новатором, он уезжал знакомиться с новинками в ремонте железной дороги. Работа в выравнивании колеи киркой стала неэффективной. Появилось новое приспособление, шуфля (совковая лопата, в русском языке используется только как технический термин. – *Ред.*). Уехал знакомиться с новым приспособлением и приёмами работы с ним. Привёз к себе и обучил своих рабочих работать с ним. Стали другие бригадиры к нему обращаться за наукой, ни кому не отказывал. Назначить его бригадиром в Кавказскую была производственная необходимость. За 3 месяца он вывел станцию Кавказская на 1-ое место. Отца наградили в Кремле золотыми часами с подписью наркома путей сообщения Кагановича Л.М. (награждать за труд орденами в то время еще не было принято. – *Ред.*) и повысили в должности. Был назначен дорожным мастером на станцию Мирскую.

Там около года я и топала в школу и обратно 10 км, пропустив 6 дней на поездки в Закавказье.

И вот я снова живу в Мирской. Поселились в доме на 222-ом в центральном доме путейцев, в квартире бригадира. Вдову мастера и папа не стал беспокоить. В комнате стояло 2 кровати, моя и Ванина, шкаф для одежды, комод, письменный стол для занятий и комнатные цветы. В кухне большой буфет, обеденный стол, столик кухонный, сепаратор для перегонки молока, кровать родительская и Витина кроватка. Окна заставлены цветами. Домашнее хозяйство у нас не уменьшилось, но работы прибавилось. Ваня увлёкся разведением голубей, во дворе на трубах соорудил вместительную голубятню и стал покупать пары голубей разных пород. В небо одновременно взлетали много пар голубей различной окраски и формы, выполняли замысловатые фигуры в полёте. Приходили и дети и взрослые любоваться этим шоу.

Однажды, мы возвращаемся с игр в лапту, и видим группу мальчишек, которые бросают большие камни об землю.

– Что вы делаете?

– Приводим в исполнение приговор злодею.

– Что он натворил?

– Этот котёнок задавил в голубятне в гнезде выводок дутышей (порода голубей. – *Ред.*).

А Ваня так задумчиво говорит: «Это ж надо, какой живучий кот, столько получить ударов булыжниками и всё живой!». Мы не смогли смотреть и убежали. Конечно, девочки.

У нас появился песик, рыженький и лохматый с завитками, мордашка узкая, а глазки умные. Витя принял его с восторгом. Да и пес его полюбил, играл с ним в его игрушки. Витю не трогал, а когда приходили друзья к Вите, заползал под родительскую кровать и оттуда следил, что происходит в квартире. Друзья наигрались и уходят, унося полюбившуюся игрушку. Выскакивает пёс к дверям, отбирает игрушку и уносит её под кровать. На детей даже не рычал. Молча отбирал.

Уходя из дома, дверь в квартиру не замыкали на ключ, если вышли недалеко. Соседи зайдут, а дома никого нет. Назад выйти пес не даст. Он лежит под кроватью и наблюдает, как только визитёр повернулся на выход, пёс выскакивает из засады к дверям со злым оскалом и грозным рыком, готовый к прыжку. Пока кто-то из семьи не вернётся, визитёра не выпустит. Он знал своё место и по квартире не бегал. Был очень чистоплотным и большим удовольствием купался и обливался с нами.

В Мирской возникла проблема с отгоном коров на пастбище. Во дворе сараи стояли с противоположной стороны от дома. Выгонять нужно было три коровы из сарая к дому в ворота, затем развернуть в противоположную сторону и гнать их на улицу вдогонку пробегающему стаду. На Кубани в стаде обычно находилось несколько десятков коров. Пастух извещал о прогоне стада на выпас звуком щелчка кнута. Надо успеть выгнать корову перед стадом. Наш двор по периметру был застроен сараями, баней, летней кухней, бараками, мастерской и другими бытовыми постройками. Забор состоял только из ворот и калитки, которые находились возле дома. Пастух с подпасками стегали коров кнутом, боль и хлопок от кнута пугал их, и они бежали рысью. Кнут пастуха назывался «бич». Он был длинный и тяжёлый, плели его из кожаных ремней. Если не успел выгнать коров раньше, то стадо со своими коровами догонишь только на пастбище. Мешали слышать пастуха элеватор, который был рядом, и поезда. После дневной дойки выгонять коров в стадо была в основном моя обязанность. К моему удивлению наш пёсик Барсик, присоединился ко мне. Корове не нравится бежать, она норовит уйти в сторону, я бегу и хворостиной возвращаю её на дорогу. С другой стороны тёлка тоже норовит убежать и щипнуть травки. Барсик рядом и своё «гав» в морду корове вставлял. Больше мне не пришлось направлять коров на дорогу. За меня делал это Барсик. Он сразу усвоил, коров надо гнать в поле до самого пастбища. Что с успехом стал выполнять без меня. Так неожиданно для нас была снята возникшая проблема. На улице не лаял на людей, но к себе

не допускал чужих. Даже забирая Витины игрушки у его друзей, это получалось у него безобидно. Все его уважали за не злобность, а преданность семье, его сообразительность. Когда нам пришлось в будущем с ним расстаться, для нас это была трагедия. Переживали за его дальнейшую судьбу и все знакомые с нашей семьей люди. Я была сильно угнетена, считала себя предательницей, так как не смогла защитить своего верного друга.

Летом в 1938 г. после окончания учебного года в отпуск приехал брат Алёша. В семье достаток, на работе у отца и у брата всё отлично, отпуск и каникулы проходят замечательно. Запомнилось только моё удивление, когда Алёша рассказал, что некоторые ученики старше его.

Когда выяснилось, что он преподаёт русский язык и литературу в старших классах, стала понятна эта разница. Снова удивил брат, учителя на конференции пишут диктанты, как и мы, ученики, и оценки за диктант им выставляют, как и нам. Он всегда пишет на пятёрку. Для меня это не новость. А диктанты, контрольные, для учителей! Да ещё и отметка! Для меня это было непостижимо. Были ли троечники, побоялась спросить. А вдруг были? Страшно подумать!

Новый учебный год в 4-ом классе начался и проходил вполне успешно, и только в апреле 1939 начались проблемы. Папу вызвали в Москву в НКПС [Наркомат путей сообщения]. Проходит май, а от отца нет вестей. Кто пережил 1937-ой, поймет волнение матери. Да и в нашей семье никогда не забывали беззаконие с Белыми. Часть зарплаты мать получала на семью, была надежда, живой. Июнь пришёл, а вестей нет, мать начала писать запросы в НКПС, где муж? Писала я, мать диктовала, никакого ответа. Дома было как обычно, огороды возделывались, животные росли, соседи дружили и помогали. Алёша приехал в отпуск, и Ваня, подросток, вилами сено грузит успешно. Я не отстаю, наловчилась из кладовой к пассажирским поездам выносить арбузы и домой приносить не лишнюю копеечку. Единственное, что тревожила – судьба отца. В августе Алёша уехал на работу, но не в горы, там он заболел малярией и по состоянию здоровья его перевели в

станицу Кущёвская. Прошло почти полгода, и мы в 20-ых числах сентября получаем письмо от папы. Он пишет, что всё время находился в Москве, а сейчас работает дорожным мастером в Гродно. Это его постоянная работа, он должен забрать на постоянное место жительства и семью.

Вопрос переезжать куда-нибудь, тем более в Белоруссию, у родителей никогда не стоял. На Кубани Мойсейчики остались из-за сухого воздуха, нет болот. Отец папы умер от туберкулёза, а папа родился не Геркулесом, худеньким и всю жизнь таким и был. И сестра Катерина с мужем устроились отлично. Даже после катастрофического для семьи Белых раскулачивания они не желали возврата в Белоруссию.

Мама и слышать не хотела про возврат на родину. Она осталась сиротой без матери в 9 лет вместе с сестрами Марией, Фросей и грудничок Юлей. Отец её сразу женился, мачеха родила Ивана, Алексея и Ольгу.

Мою маму в 9 лет отправили служить прислугой к еврею-лавочнику, где она прослужила 9 лет. Не получила зарплату ни разу за все годы, так как отец забирал авансом весь её заработок у лавочника. Фросю заставили выйти замуж за пожилого вдовца, глухого ремесленника с взрослыми сыновьями, почти её ровесниками, которые относились к мачехе неуважительно. Она не выдержала такой жизни и ночью пришла к отчому дому, бросилась в колодец, оставив сиротой годовалого сына. Юлю ребёнком отправили в г. Пинск, где её наняли семейной прислугой. Ей повезло, она подросла, и её полюбил хозяйский сын, интеллигент, работал на заводе инженером. Воспитали троих прекрасных детей. Со старшей Верой мы впоследствии дружили. К Марии посватался парень из зажиточной семьи, но поставил условие о приданом. Жениться, если родители в приданое дадут шнурок [узкую полосу] земли. Выплакала она этот шнурок, вышла замуж за небедного Криштаповича Андрея, но счастья не обрела. Эта фамилия имела наследственное генетическое отклонение, что-то неладное было с ростом (патология гипофиза, который отвечает за выработку гормона роста. – *Ред.*). Это моё мнение, я видела что-то подобное и у других родственников дяди Андрея, не настолько выраженное как у

Ани и Олега. Мой дед, мамин отец, мне говорил, что это божье наказание, потому что их род ходил в лабуры. Я никогда не слышала, что это такое, ходить в лабуры. Дед объяснил, верующий выкупает в православном храме удостоверение, (сборщикам пожертвований на строительство православных храмов выдавались специальные книжки для регистрации пожертвований и удостоверения. – *Ред.*) то есть разрешение отправлять некоторые религиозные обряды в деревнях, где нет божьего храма, и собирать пожертвования на строительство нового божьего храма. Это и называлось «ходить в лабуры». Так как эти люди жадные, они вымогают за отпевание покойника или за здоровье больного большие деньги. Что не по-божески. В народе их не любили, а дед не любил зятя, по моему мнению, из-за шнура земли.

Письмо отца все восприняли с огромным интересом и радостью. Про нашу радость трудно подобрать слов. Эйфория чуть улеглась, и мама попросила перечитать папино письмо повторно. Реакция стала совсем другой. В Белоруссию не поеду, почему он не посоветовался с семьёй, с детьми, они уже большие и могут иметь иное мнение. Пишем ответ папе, категорический отказ от переселения в Белоруссию. В ответном письме папа пишет, что его согласия на перевод никто не спрашивал. «Я по приказу НКПС направлен в Западную Белоруссию в командировку, отменить или отозвать может только НКПС. Я даже не имею права уволиться. Меня не уволят. Бросить работу, знаешь, чем это может закончиться».

Мы были согласны с мнением матери, мы видели, как наши родители старались дать детям образование и достойное материальное обеспечение. Первая мировая война выбросила их из родового гнезда, дальнейшее развитие истории превратило их в люмпен-пролетариатов. Ремонтные рабочие в общежитии. Создали семью и все свои знания и способности посвятили семье. После Забайкалья, работая бригадиром, он брал отпуск во время молотьбы зерновых молотками, нанимался к ним на молотилку, что бы заработать пшеницы. Вместе с ним нанималась и мама. Молокане – это религиозное те-

чение в России, на Кубани компактно проживали на хуторе Молоканский, владели землёй и жили безбедно. Мои родители зерно мололи на белую муку, мы в голод имели возможность есть белый хлеб, мама ещё пекла пирожки и блины, выносила к пассажирским поездам и имела денежный добавок. Выше я писала, родители меняли нефть на пшеницу с мельниками. А топливо мама добывала на путях, возле дома, в котором мы жили. Машинисты стоявших на 4-ом пути толкачей, ожидавших отправки назад на станцию Кавказскую, старались очистить топки от шлака. Уголь в топки подбрасывали в пути через определённые интервалы, часть угля сгорала полностью, а какая-то не сгорала. Толкач останавливался возле нашего забора палисадника. В окно из кухни мама видела раскалённый уголь, кочергу в руки – и нагребла топлива на пару дней. Это топливо разжигать в плите было легче, чем добытый в шахте уголь или антрацит.

Трудолюбие, бережливость позволило родителям обеспечить нам нормальное питание, одежду, интеллектуальное развитие. Неплохо устроили свой быт. При переезде в 1938 г. в Мирскую, приняли решение построить собственный дом. Отец в своем ведомстве выписал древесину, поставляемую из Сибири для изготовления шпал. Нам выделили 15 соток сада под усадьбу в том самом саду, в котором в 1933 я с ужасом наблюдала за голодающим с ободранной кошкой. Очень быстро построили, некоторая задержка вышла с половой доской. Мы, дети, не успели побывать на новостройке. В начале 1939 года папа и я шли к нашей новостройке. Проходили мимо детского железнодорожного кладбища (это не было детское кладбище, оно было образовано во времена, когда детская смертность была очень высока, включая и детей железнодорожников. – *Ред.*), папа задержался возле маленькой могилки с детским крестом и стал убирать засохший бурьян. Я стала ему помогать и спросила, почему он убирает чужую детскую могилку. Он ответил, что здесь лежит не ребёнок, а взрослая женщина. Эта прекрасная женщина отдала свою жизнь за ваше прекрасное будущее. Запомни имя этой женщины – **Дугинец**. Прошло так много времени, что

могу и не точно вспомнить эту фамилию. Я видела, что он расстроился, не стала приставать с расспросами.

Увидев дом, я очень обрадовалась. Расположен он был в углу сада, вокруг нашей усадьбы был забор. На улице, которая идет от вокзала, возле нашего забора был артезианский колодезь. Через дорогу начал возводить дом начальник станции. Зашли в дом, он просторный и перегорожен пополам. Пятистенка, как было принято строить на Кубани. Сложена русская печь и плита с обогревателем. И последняя комната, ещё не оконченная. Будут сенцы, то есть прихожая, а в маленькой комнатке не решили, что будет.

Отец никогда не делился воспоминаниями о своём участии в революционном движении, в гражданской войне. И в компартию он не просился. Кое-что узнала от матери значительно позже.

Белорусские беженцы, прибывшие на Кавказ из города Тулы, – это жители Гродненской губернии, старались держаться вместе, в трудную минуту рассчитывали на поддержку земляков. Запасы продуктовые и денежные, взятые в дорогу исчерпаны, чтобы выжить, молодёжь срочно устраиваться на работу. В основном работа была на железной дороге, пролетариям терять нечего, кроме оков, у белорусов ни кола, ни двора. Вполне соответствуют званию пролетарий. В Кавказском депо и была крупнейшая партийная ячейка РСДРП. Ребята вступали в партию и включились в борьбу за свои права. Жандармерия арестовывала и сажала в тюрьму, отправляла в ссылку, а казаки секли плетью до смерти. Мама мне и рассказала историю про Дугинца. В Кавказской были организованы выступления рабочих против царского самодержавия. Жандармам справиться с народом было не по силам, и они вызвали казаков. Казаки нагайками разогнали митингующих, одну из организаторов засекли насмерть и выбросили на собачье кладбище. Товарищи сумели её выкрасть через двое суток и переправить толкачом в Мирскую, где её ночью похоронили земляки-белорусы. Вот почему он расстроился, увидев могилу в забвении.

В 1940-ом я узнала, что мы из Белоруссии, но по национальности русские. Мать мне всё объяснила.

Ещё до революции на станции Кавказской происходила очередная зачистка парторганизации. Кто успел удрать, спрятались у земляков на 220 км. Вся бригада во главе с бригадиром были белорусы. Рядом с бригадными строениями находились обширные, труднопроходимые заросли колючего терновника. Проходы и полянки там встречались, но посторонний найти их не мог. В этих зарослях и прятали своих земляков, и не только своих, от ареста. Через некоторое время они налаживали связь с ячейкой и возвращались, чаще всего на нелегальное положение. Однажды долго не было известий из партийной организации, надо ехать на разведку в Кавказскую. Решение приняли, ехать надо девице, и смышленной. Бригадир сказал: «Едет Дуня».

Мне рассказали, сначала осмотрись вокруг, зайди в магазин за покупками, всё спокойно – заверни за угол магазина и войди во двор, глянь, на окне стоит горшок с красным цветком – в дом не заходи, там засада. Я всё так и сделала. Решила посмотреть на окно с улицы, но увидеть ничего не смогла из-за яркого солнца. Зашла в калитку, а на окне пылает красный цветок.

Я к стенке магазина, приподымаю свои длинные юбки и начинаю мочиться. Выскочили из дома жандармы и меня за белые ручки в участок. Жандарм ведет допрос и спрашивает, какой я нации. Я прикинулась недотёпой, и спрашиваю:

- Что это такое нации, пан жандарм?
 - В какую церковь ходишь молиться?
 - В православную, в православную, пан жандарм.
- Он записывает и произносит вслух: русская.
- Зачем заходила во двор?
- Я потупилась, очень уж стесняюсь, и отвечаю:
- Так очень приспичило, по нужде сходить, пан жандарм.
 - Ходить по нужде, надо, где положено.

– Не нашла я сарай, пан жандарм.

Из полезного для меня, в жандармерии мне выдали удостоверение личности, и национальность была написана: русская. В 1944 г. я получала паспорт уже в Иваново, национальность изменилась: белоруска. Для меня ничего не изменилось.

Невзирая на преследования, белорусы продолжали участвовать в революционном движении. Не всегда им удавалось уйти от ареста, приходилось сидеть в тюрьмах, их отправляли в ссылку в Сибирь. Как-то я спросила маму, как вы поженились с папой.

С папой мы работали в ремонте на 220 км после приезда из Тулы, но любовь была с другим парнем, он был беженец из Слонима [город в Белоруссии]. Работал в депо на станции Кавказская, как и многие наши ребята. Мы своим помогали, чем могли, прятали от ареста, содержали. Перешёл на подпольную работу, был арестован и сослан в Сибирь. Произошла революция. Началась гражданская война. Белые наступали, в депо рабочие изготовили бронепоезд, вооружили его и сами стали бойцами-добровольцами, путейцами на бронепоезд пошли и наши ребята. В том числе и твой будущий папа. Что-то пошло не так, красные отступили, и у них начался мор от тифа. Заболел и твой папа.

Наши хлопцы спрятали его без сознания в уголь тендера паровоза и привезли в Кавказскую. Оттуда по селектору позвонили нашему бригадиру и сказали, что вам есть передача. Это был пароль. Бригадир вышел к путям, подходит поезд, не останавливаясь, только убавляя скорость, и машинисты спускают без сознания Костю. Бригадир внёс его в свою конторку, поставил из общежития две кровати, стол два стула. Обмыл, положил отца и позвал женщину. Он ей сказал: «С этой ночи будешь выхаживать Костю, он без сознания, болен тифом. Ты не должна выходить из этой комнаты, пока Костя не поправится. Вот кровать для тебя. Всё, что нужно, я буду тебе приносить. Новых тифозников нам не надо». Когда я его выходила, он мне сделал предложение. Давно нет вестей от моего кавалера, возможно, и в живых его

нет. Выхаживая Костю, разглядела в нём хорошего и доброго человека. Я согласилась и никогда не пожалела об этом.

Я подросла и захотела узнать, когда папа вступил в партию. Дату она не помнит, но как это произошло, помнит.

Мы поженились, но на 220-м нет свободной квартиры для молодых, Костю переводят в Мирскую на 222-ый, старшим рабочим, так называли заместителя бригадира, а меня на 223-ий переездной сторожихой. (В этой будке она и родила Алёшу, Ваню, Фаину). И вдруг заходит мой бывший и говорит, что приехал за мной. Я ему отвечаю, что замужем за Костей и бросать его не собираюсь, тем более жду ребенка. На работе папе сказали, что его разыскивает земляк, с работы его отпустили. Встретились, обнялись, расцеловались и сели на лавку. Пошли воспоминания, расспросы, выяснилось, что гость работает в ЦК партии, но выяснилось, что отец не член партии. «Как так ты оказался не в партии!?». Отец объяснил, что для вступления в партию большевиков надо 3 рекомендации от революционеров, один из recommendателей должен иметь пятилетний партийный стаж. У нас таких нет, а ехать в Кавказскую и беспокоить заслуженных революционеров я посчитал, что еще не дорос до чести быть с ними в одной партии. Он воскликнул, кто тогда достоин, если не такие как ты!

Он уехал в Кавказскую и дал свою рекомендацию, он оказался с большим стажем в партии, две рекомендации дали его соратники. Так папа вступил в ВКП(б). Произошло это, я считаю, в конце 1919 года, так как Алёша родился в марте 1920 года. Пережив драматический переезд в Западную Белоруссию, я подсознательно подумала, не приехал бы этот друг, не было бы и мотаний моего отца по разным командировкам.

Почти полгода мы ничего не знали о судьбе отца, но когда стали получать какие-то деньги, поняли, – живой. Тревога не прошла. И теперь вдруг всё продать и уезжать, как мама сказала, к чёрту на кулички. Мама опять стала диктовать мне письмо в Москву НКПС Л.М. Кага-

новичу. Просила возвратить мужа из командировки в Белоруссию, так как его семья вынуждена была уехать из Белоруссии на Кубань в связи с опасностью заболеванием мужа туберкулёзом. Заболевание передаётся в семье по мужской линии. Что он добросовестно трудился, выполнял все задания партии и правительства. Из последней командировки в Читу он вернулся с больным желудком и без зубов. Перенес там цингу, из-за болезни потерял все зубы. Ему необходимо лечение и диетическое питание, создать такие условия невозможно в условиях перемены проживания. Ответа от Наркома мы не получили, но пришло письмо от папы. Он написал, что ему пришёл ответ из Москвы в нем написано: «Объясните жене, что вы посланы в Белоруссию на постоянную работу и жительство». Я прочитала письмо маме, она расплакалась, успокоившись, говорит: «Уничтожили нас, как и Белых, только с другой стороны. Как там отец на казённых харчах? Надо собираться в дорогу, пока без молочного он там не загнулся».

Предсказания матери по поводу туберкулёза сбылось. В 1943 году я получила письмо от отца, что воюет на Карельском фронте. Умер отец в Мичуринске в госпитале, как и боялась мать, от туберкулёза. Он не был военнообязанным. (Судя по всем обстоятельствам, он служил на железной дороге Ленинград – Мурманск. По этой дороге происходило снабжение Карельского фронта, самого протяжённого среди всех фронтов Великой Отечественной войны. – *Ред.*).

Срочно стали распродавать коров, дом, мебель. Люди богатством не славились, пока слух распространился, прошла зима. Зарезали свиней, птицу, три коровы раскупили вмиг. Продажа последней коровы прошла с большими переживаниями не только для нашей семьи. Мама последнюю корову держала до последнего дня отъезда, чтобы не оставить нас без молока. Продажа дома задерживалась, и точный срок отъезда был неясен. Из живности оставался Барсик. Мы очень переживали, что не можем забрать его с собой. Я даже считала себя предателем, бросаю верного друга на произвол судьбы. Я как представляю, что Барсик ждёт хозяев, голодный, меня в дрожь бросало. Соседи все хотели бы его оставить себе, но он их не подпускал. Поэтому все пере-

живали за судьбу Барсика. Накануне нашего отъезда пришли покупатели забирать корову и просят отдать им Барсика. Предложили любые деньги. Мама ответила, не нужны мне деньги, в хорошие руки я без денег отдам, но он не пойдёт с вами. Вздыхнув, они взяли корову за повод и двинулись к воротам. Вдруг Барсик непонимающе глянул на нас, потом на корову, снова на нас и пошёл за коровой. Соседи вздохнули облегчённо и порадовались за Барсика, мы стояли оглушенные. С одной стороны успокоение в его дальнейшей судьбе, с другой потеря, как бы члена семьи, но чувства предательства не ушло.

Мебель осталась в квартире, возможно, выкупил её вновь назначенный мастер, не знаю. Его я видела пару раз на расстоянии. Шёл он по железнодорожной колее в белом мундире и с маленьким молоточком на длинной ручке. Папа никогда не брал такой молоточек, видимо, при его работе костыли из шпал не выскакивали, а болты с гайками и накладки крепко держали рельсы.

Настало время расставания. Очень тяжёлые вещи отправили в багажном вагоне пассажирского поезда, в котором мы и ехали сами. Чемоданы и пакеты взяли с собой в купе. Провожали нас с сожалением все соседи, они и помогли матери перенести все вещи на вокзал и посадить нас в вагон. Утром мы были в Москве. Прибыли на Казанский вокзал утром, грузчики перенесли вещи в вокзал, мама ушла решать проблему переезда на Белорусский вокзал, Ваня остался с Витей и вещами. Я решила выйти и познакомиться с Москвой. Вышла на привокзальную площадь и не пришла в восторг. Площадь как площади в других столицах, где я бывала, только размером превосходит, больше трамвайных путей и трамваев, легковушек, но и грязи значительно больше. Прошла по улице – и ничего необычного. Я поняла, чтобы увидеть Москву, надо побывать на Красной площади, Кремле, увидеть Мавзолей. Сейчас это невозможно, и я вернулась на вокзал. Мама была уже там и кормила детей. Вскоре прибыло такси и грузчики, и мы благополучно добрались до Белорусского вокзала. Без проблем закомпоновали билет на поезд Москва-Брест.

Белоруссия

В Бресте нас встретил папа. Путь он обслуживает от Гродно до границы с Литвой, наша квартира находится в местечке Поречье. Надо подождать, туда ходит поезд. В это время в зал вокзала входит поп. Это же надо! Поп настоящий, живой, в рясе, с крестом на животе! Не могла поверить, мне казалось, что это видение и сейчас исчезнет. Я раскрыла глаза, не моргая, утормопила взор на него. Он прямо от дверей подошёл ко мне и обратился со словами, в которых звучала обида: «Так быстро забыла божьего ...», – мама прервала его на полуслове и сказала: «Извините, батюшка, девочку. Она просто никогда в жизни не видела живого священнослужителя, да ещё в рясе».

Мне это послужило наукой. Я решила разобраться, что не так с моими глазами, что они так обидели попу. Оказалось, что это всё же не поп – толоконный лоб. Это у Пушкина поп, а люди называют его «батюшка». В Поречье, как только появилась возможность, я занялась изучением своих глаз, почему батюшка сразу направился ко мне. Начала со зрачка: «Черный, такой у всех. Глаза голубые, лучше карие, но сойдёт. Ресницы, короткие, а не длинные с подкрученными концами, как у Орловой [популярная актриса], а у меня еле заметен изгиб. А брови, просто ужас, густые и широкие. А когда рассмотрела свой подбородок, нос, совершенно разочаровалась осмотром. Но бывают и более не красивые женщины, и ничего, цветут и пахнут. Но попу толкнуло идти на меня тараном на мой взгляд. Я стала строить гримасы, испуга, радости, безразличия, интереса, удивления. Эврика! Вот причина обиды, вчера девочка была у него в храме на службе, а сегодня удивлена, как будто видит его впервые. Я сделала вывод – эмоции надо держать при себе, иначе люди могут не понять тебя или неправильно истолковать их. Пусть вас не удивит это, у нас в семье очень часто звучали слова: заруби себе на носу и сделай вывод.

Поречье оказалось маленьким местечком. Железнодорожная станция, православная церковь, костёл и синагога, школа была начальная, но к нашему приезду в 1940 году открыли 5-тый класс. Из

Мирской мы выехали в весенние каникулы, чтобы мы с Ваней не пропустили занятий. Я смогла продолжить занятия, а Ваня – нет. Ему 16 лет, работу тоже не найти. Учреждения районной власти наверно были, но я только знала здание, где находился парткабинет. Здание напоминало обычный жилой дом, на фасаде тусклое название учреждения. Каждый день я шла мимо в школу, и оно не привлекала моего внимания. Через небольшое расстояние, пройдя домов 5, стоит костёл за высоким бетонным забором. Забор перегораживает улицу, стена забора поворачивает на пустырь. Там стоит дом и рядом кузнеца, в некотором отдалении от кузницы школа.

Школа маленькая, учителя были местные, только директор и пионервожатый Миша были «восточники» – так называли людей, которые были присланы на работу в Западную Белоруссию. Наш 5-тый класс был самым старшим в школе, ученики разных возрастов. Учащихся польских школ принимали в советскую школу на 2 класса ниже. Со мной училась девушка в одежде гимназистки, но как-то животик прикрывала руками, подружки объяснили, она беременна. Летом у неё свадьба с паровозным машинистом. Польские учителя приходили на урок, опрос, новый материал дали и ушли в учительскую. С нами вне урока не общались. Они не знали, с кем им придётся работать. Учительница русского языка приходила на урок в ярком голубом атласном платье и такими же яркими брошками и другими женскими украшениями, выделялся огромный паук на животе. Говорила правильно на русском языке, но с польским акцентом. Опросом не заморачивалась, в основном мы писали диктанты, поэтому в основном учили правописание и литературу.

Белорусский язык преподавал еврей, высокий, красивый, аккуратный, но когда входил в класс и поворачивал голову в нашу сторону, то смотрел куда-то вдаль, заходил на кафедру, шлёпался, не глядя, на стул. Однажды на лакированный стул кто-то налил воды. Когда он сел, все дружно засмеялись. Он вскочил и бегом с кафедры к детям, в глазах у него явное непонимание, что же случилось. Я поняла, брюки у

него из шерсти, под ними кальсоны и он не сразу почувствовал влагу. Мне его стало жаль. Что меня удивило, мои новые друзья не смогли объяснить мне, за что они так ненавидят своего учителя.

Не вспомнить директора я не могу. Он преподавал у нас историю и географию. Партийных работников я не знала, может, он один из них. Но военного я определила сразу. Мундир военный, выправка, взгляд человека привыкшего командовать. Главное как он вёл урок. Он излагал нам материал не совсем так, как написано в учебнике, а значительно шире и чётко увязывал с современностью. Он как бы дополнял учебник, делал обобщение, мы с интересом его слушали. Возможно, он в школе работал по совместительству. Его мы видели только тогда, когда он вёл у нас уроки. Постоянно с нами находился только Миша. Занятия в школе начались в лучшем случае с октября. Я решила, что в армии наш директор был военный комиссар.

Дома рассказала родителям, как одноклассники сорвали урок и унизили учителя белорусского языка и литературы. Отец стал расспрашивать подробнее об учениках. Я рассказала о своих впечатлениях, об одноклассниках.

Две практически взрослые, стоят всегда в сторонке, одна девочка из деревни, белоруска, остальные поляки, евреи и восточники, я отношусь к восточникам. Восточники от изучения белорусского языка освобождены.

Отец делает вывод, половина класса бьёт баклуши, от безделья безобразничают, а невоспитанные их поддерживают.

Я попыталась защитить одноклассников, сидеть и ничего не делать на уроке действительно скучно.

Ты что, маленькая? Учить тебя проводить свободное время как-то раньше не приходилось, сама справлялась. Но посоветую, дальше по нашей улице находится РДК [районный дом культуры] железнодорожников, там есть библиотека, запишись и возьми книгу на белорусском языке. Книги выбирай писателей Якуба Коласа и Янки Купалы. Знаний лишних не бывает.

На перемене играли с мячом, звонок – и мы бегом в класс, я достую из сумки бутерброд, у меня попросили кусочек для собаки. Вижу, возле шкафов стоит большая дворняга. Я отломила кусок и нагнулась достать книгу, на белорусском языке из портфеля. Повернувшись, собаки в классе не увидела, начался урок удивительно тихо. Потом в шкафу забренчало, и вдруг завyla собака, наш Мориц бросился к шкафу, открыл дверь – и передними лапами кобель упал ему на грудь. Учителя по имени отчеству не называли, звали его Мориц. Объясняли мне, что это какой-то плохой персонаж.

Следующий раз дворняжку закрыли в шкаф с музыкальными инструментами уже на уроке учительницы биологии. Её обзывали «Амёба». Она выбежала из класса, и все эти безобразия закончились. Я подзревала в организации этих «шалостей», восточника, невысокий, худенький и очень подвижный. Вечно с доброй улыбкой, но с хитринкой озорника. Мальчишки возле него крутились, он с нами никогда не конфликтовал. Но подсказать идею и её развитие мог. Тихо, без оргвыводов обошлось, видимо, папа озорника разобрался, что в школе не так. Возможно, директор решил без огласки решить проблему дисциплины.

Вдруг наш пионервожатый Миша предложил нам игру в «войнушку». Мы с радостью согласились, но красными хотели быть все, а белыми нет. Решили первый раз проголосовать, а потом меняться. В выходные у нас аврал, да и в будни заняты подготовкой, оружие выстрогать и другие заботы. Как-то отдыхали в лесу после «боевых действий», я говорю Мише, что в нашей школе было много кружков. Стала перечислять танцевальный, музыкальный, хоровой, литературный и другие. Было интересно, концерты давали. Миша вздохнул и говорит: «В трёх шкафах в вашем классе висят музыкальные инструменты, а учить некому. Пение не преподаётся, нет преподавателя». Я ответила, на инструментах я не умею играть, а танцевать и петь умею. Декламировать умею и неплохо. Как-то получилось, что девочки попросили меня научить их танцам. Миша ухватился за эту идею, организо-

вать кружок самодеятельности в школе, патефон в школе есть, пластинки найдём. В лесу на том и решили, быть в школе самодеятельности, мальчишки согласились участвовать в кружке.

Кружок танцев начал работать. Бразды правления перешли ко мне. Организатор шалостей Климович оказался отличным товарищем, и в игре в лесу чувствовалось его знание, как организовать эту игру. В то время на всей территории СССР, от западных границ до Владивостока, пионеры играли в «Тимур и его команда» Гайдара. В том числе и я, поэтому я поддерживала его предложения. Воспитанная во мне правдивость и справедливость, умение поделиться знаниями, создало обо мне хорошую репутацию, все хотели со мной дружить. В танцевальном кружке разучивали краковяк, польку и другие танцы.

Расставила всех парами и по росту, начали разучивать танцы, и получилось даже неплохо.

Однажды Миша предложил выступить в РДК железнодорожников.

– Что, с патефоном на сцену?

– Там есть музыканты, они и будут аккомпанировать.

– Необходима тренировка.

К нам прислали музыканта с аккордеоном.

– Если выступаем только мы, для концерта слишком мало.

Музыкант предложил спеть соло, отобрал три девочки, в том числе и меня. Я предложила прочесть стихотворение, присоединились и мальчишки. Миша предложил мне с моим напарником станцевать гопак. Я сказала, что мы ещё не совсем готовы. Предложили станцевать, все дружно сказали, что очень хорошо, в том числе и музыкант. Про себя я отметила, что никто не знает, как танцевать украинский гопак, но станцевать в РДК согласилась.

Предложила показать интермедии, которые выполняла ещё на Кубани. Слава Чарли Чаплина гремела на весь мир, я в самодеятельности «косила» под Чаплина. Костюм и туфли брата Вани, склеила шляпу из плотной бумаги, покрасив черной краской. Клюку и колесо помог

смастерить папа. Концерт прошёл с большим успехом. Нас стали приглашать на все мероприятия, в РДК и парткабинет. Мы расширяли свой репертуар, так как зрители почти одни и те же. Я у заведующего парткабинетом спросила найти старенький стул, я покажу новую интермедию. Он берёт красивый, почти новый стул и подаёт. Мне надо стул-развалюху, и подпилить 3 ножки на разной высоте. Мне так было жалко этот стул, что запомнилось навсегда.

Зрителем оказался и папа. Дома я его спросила, как наше выступление, понравилось? Или так бурно хлопали, чтобы деток не обидеть?

– Всё нормально, городок маленький, театров и других увеселительных заведений нет, кроме РДК, где каждое воскресенье танцы, изредка кинопередвижка приедет. Для общения есть три храма: церковь, костёл и синагога. Ваша самодеятельность внесла некоторое разнообразие. Тебе хлопали дольше за кувырок со стула, я даже вздрогнул от неожиданности. Приземлилась нормально, вот и реакция.

Дом, который был на пустыре перед школой, принадлежал кузнецу-ремесленнику, еврею, его дети-двоешки [близнецы], сын и дочь, оказались моими одноклассниками и хорошими друзьями. Это его я упорно учила танцевать украинский гопак, особенно не получалось добиться лёгкости, при выполнении присядки. Благодаря его упорству и желанию танцевать я смогла добиться легкости в танцах, и мы принимали участие в концертах в нашем маленьком райцентре. Нас приглашали в клуб и актовый зал парткабинета, когда там проходили массовые мероприятия. Мы с ним дотанцевались до областной олимпиады, которая состоялась в 1941 году в городе Белостоке. Заняли там призовое место, и вышли на республику. Как подумаю, они эвакуироваться не смогли, красивые, умные, трудолюбивые, и по чьей-то недоброй воле – убиты. Берёт оторопь, до какой степени люди звереют.

Подружились и с полячкой, её фамилия была Жилиновская, но не уверена. Она и знакомила меня с Поречьем и его достопримечательностями. Главное, разговаривала со мной на польском языке. Многие слова были созвучны с украинскими, на котором казаки разговарива-

ли на Кубани. Очень быстро стала осваивать польский язык. Я никогда не видела церковной службы, и тем более не знала, что у евреев своя религия и есть свой храм. Подруги взяли меня в церковь на богослужение. Прежде я предупредила, никогда не ходила в церковь, не знаю молитв и как себя вести там. Мне ответили, не молись, ты пришла посмотреть, ну и смотри. Запомнилась служба, и очень богатое украшение внутри храма для такого маленького городка. Это же не храмы Москвы! Как-то позвала меня посетить синагогу, встретил нас раввин, спокойный, внимательный. Рассказал, как проходит служба. Здание синагоги было похоже на заброшенный сельский клуб. Постройка из бруса, от старости потемневшая. Внутри сцена, в зале справа – ряды стульев.

В костёл я так и не дождалась приглашения. Проходя мимо костёла в школу, я никогда не видела открытых ворот или голосов за высоким забором из бетона. Видны были купола костёла и верхушки старого сада. Если подруга не приглашает, видимо, ей не разрешили. Часто приглашала меня на озеро, катала меня на байдарке.

Со мной тоже все хотели дружить. Интересно узнать, как там, в СССР, домашнее задание объясню и художественную литературу хорошо знаю. Подскажу интересную книгу. Постоянно звали вечером побегать по улицам местечка. Но шалости на улице всегда приводили к дому Морица. К нему приехала его девушка с ночёвкой, это тоже стало поводом устроить возле его дома бедлам. Никогда ничего такого я не встречала у нас на Кубани. В такой ситуации я старалась уйти домой.

Осенью меня пригласила подруга в гости к себе в деревню. От школы пару километров. Там я увидела, как жили белорусы в Польше. Как только мы вышли за поворот, слева открылось большое поле в полоску. Полоса картофеля, жниво [жнивье], зябь. Прямо на весь горизонт еловый лес. Ели очень высокие, густые и тёмно-зелёные.казалось, сплошная стена, на которой я еле рассмотрела маленькие и такие же тёмные домики. Все они расположены в один ряд у корней ле-

са. Поразило меня не только лес, но деревня, своей угрюмостью. Я никогда в жизни не видела такого мощного леса. После войны, в деревне Достоево, вотчине Достоевских, была в сосняке, который по высоте напоминал этот ельник, но по обхвату и близко не стоял. Я увидела женщин, которые копали в поле картофель, и, вновь открытие, одеты в грязное отрепье. Пожилая женщина на коленях, в стёганных ватных солдатских брюках, ползает по полю и собирает в корзину картофель. На голове повязан платок, когда-то он был белый. О брюках я подумала, что их подарили, бедной, наши солдаты.

Деревня расположена на крутом повороте, домов немного больше десятка. Дома нормальные, из древесины, но строили их очень давно, и они имели тёмный цвет. К тому же день был пасмурный. Знакомство с подругами привнесло и новые открытия. Из деревни в школу ходит только одна, моя одноклассница. Остальные, объяснили, в школу ходить – зря тратить время, пряхсть надо. Моя подруга – младшая и единственная у родителей дочь, невестки дома нарядуют.

Внутри обстановка домов мало чем отличается друг от друга. Стены из брёвен и такие же тёмные, как и снаружи, даже где-то и мох можно увидишь. Полы деревянные, но грязные, в одном из домов я так и не определила, доски там или земля. Дома настолько трудно отличить друг от друга, что, мне показалось, их строили в одно время и по одному образцу. Входишь в сени, налево – комора (кладовая), направо – большая комната, прямо – боковушка. Вход в комнату – с одной стороны русская печь, инструменты в углу, напротив – окно. В углу на крюке висит ведро с водой и черпак, рядом стол для приготовления пищи. Сбоку печки кровать для стариков, очень примитивная, чаще топчан в виде корыта, в котором находится матрас с соломой внутри. Видела, вместо матраса лежал обмолоченный сноп, накрытый постилкой. Постилки ткали изо льна и или шерсти, в зависимости от назначения. На печи спали дети. Напротив кровать молодых хозяев, на потолке крюк, для висячей колыбели младенца. Крюк закладывали вовремя строительство дома. В красном углу икона, там

же стоит обеденный стол и лежит весь испеченный хлеб, накрытый скатертью. От угла возле стены стоят скамьи для сиденья. Из уюта, занавески на окнах до половины окна из белой ткани, верх окна украшали в основном кружевными вырезками из бумаги. Видела, из марли у подруги были тюлевые занавески, и даже на иконе была тюль. И пол только у неё был чистый, ясное дело, пригласила гостью. Я догадывалась, что в соседних сёлах люди живут так же очень бедно.

К такому выводу я пришла сразу, как пришла в школу. Окно в классе, возле которого я сидела, расположен был в сторону сельской дороги. Активное движение повозок и людей особенно увеличивалась в праздники и воскресенье. Привлекла внимание молодёжь, которая приходила в церковь. Против окна, через дорогу, был небольшой пригорок, снег на котором от солнца таял раньше, чем вокруг. На дороге распутица, а девушки и парни шли босиком, там снег! А они шутят, флиртуют. Каждая девушка несла через плечо на палке узелок. Хорошо, что урок вел Мориц, я могла спокойно наблюдать. Девочки сели на высохшее место на пригорке, сняли с палок узелки и достали тряпочки, которыми тщательно вытерли ноги, затем достали кожаные ботинки с отворотами и обулись, с отворотами у нас не выпускались. Дальше достали шерстяные полушалки, аккуратно повязывают и двигаются в город. Возвращаясь назад, повторилось всё, только наоборот. Ботиночки вытерли, платочки сняли и аккуратно всё сложили в узелок, на палочку – и по той же дороге домой.

От того, что увидела в деревне, я была в шоке, я не могла себе представить, что человек может жить в таких условиях. Мои родители создавали семью на пустом месте. Да, люди выживали, но своё жилище старались как-то украсить, хотя бы держать в чистоте. Я описывала интерьер в домах у белорусов, живших на Кубани, и белорусов, живших в Польше. Большой разницы я не увидела, только на Кубани стены в домах побелены известью, а пол каждую субботу моют и хорошо драят веником до желтизны. У казаков, только у богатых, мог быть дом из кирпича, крытый черепицей или жостью, с полом из до-

сок. Обычно строили дом мазанку-пятистенку. Дом разделён на две равные половины, то есть имеет пятую стену. Пятистенка из глины, пол тоже глиняный, но в доме живут люди и поддерживают чистоту и порядок. Стены и потолок белят известью, пол систематически промазывают раствором глины с добавлением чуть-чуть коровяка для крепости. Высохший пол покрывают домоткаными дорожками, которые ткут из полосок ткани, для изготовления которых используется изношенная одежда. Летом приносят полевые цветы и раскладывают под кровать. Многие даже засушивают их и на зиму. Русскую печь не только белят, но стараются нарисовать на ней цветы. Кровати металлические, разной стоимости. У Белых я спала на Таниной кровати, она была односпальная железная, солдатская. Кровать тёти была с украшениями и на сетке. Но они после раскулачивания стали беднотой. Казачки в поле выходили только в белых платочках, слегка подкрашенных. Молодые даже белую прошву выставляли из-под юбки.

Главное, я сумела скрыть свой шок.

Наступила православная Пасха, у нас в доме скандал. Мама утром вышла на улицу и вернулась расстроенная.

– Что случилось? – спросил папа.

– Разберись с этим шалопаем! С ребятами ввалились в церковь на всенощной, вели себя отвратительно, и даже закурили. На замечание верующих хамили: поп кадилом дымит, какая разница.

– Почему ты оказался в церкви, ты верующий?

– Ребята захотели посмотреть на службу и я с ними.

– Вы в сарай к скоту зашли? Вас никто не знакомил, как вести себя, заходя к людям?

– Папа, я не курил, ты же знаешь, что я не курю.

– Почему ты сразу не ушёл, как только началось это хамство? Ты опозорил себя и семью.

– Сначала не сообразил, а потом не знал, что делать.

– Не сообразил, как вести себя, ввалившись в храм без разрешения, а туда вас никто не звал. Для лучшего запоминания правила по-

ведения в общественных местах тебе подойдет более эффективный метод воспитания.

Он резко снял ремень и три раза влепил Ване по заднице.

Увидев, как папа снимает ремень, я пришла в ужас. Не забыла, как секла жестоко меня мама из-за подозрения во лжи, Ваня явно виноват, и я не сдержала слёз. Слёзы выступили и у Вани, он их старался не показать, я тоже постаралась свои слёзки спрятать. Ваня сказал, что все вели себя нормально, только один безобразничал. Отец молча вышел из комнаты. Ему, наверно, нелегко достались эти три удара, он никогда нас не бил.

В семье у нас вообще не дрались. Алёшу все обожали, меня, как единственную девочку, тоже. Но вырасти непослушной и своевольной маменька мне не дала. Вовремя получила шлепки по попе. Я запомнила эти шлепки потому, что мне открылась истина, кровать не является защитой от наказания. И шлепок – наказание заслуженное. Поэтому лучше не доводить дело до наказания, а слушаться.

С Ваней мы поссорились, видимо, я его обидела. Нас, детей, мама кормила отдельно и вовремя, она обедала, когда придет отец. В этот раз с нами обедал пастух, его кормили по очереди наниматели. Пока пастух мыл руки, мама поставила нам первое, а Ваня обозвал меня выдрой, потом показал мне язык. Я пожаловалась мама. Она накладывала в тарелки нам второе, не поворачиваясь к нам, сказала: «Ваня, не показывай язык!». Он чуть высунул кончик языка, я сделала вид, что не увидела. Но вижу, пастух доел борщ, тщательно облизал свою большую деревянную ложку и хлоп Ваню по лбу. Я рассмеялась, потом мы с ним говорили на эту тему. Я ему сказала, недаром люди говорят, бог любит правду. Расплата пришла, откуда не ждал. Пошутили на эту тему, больше он никогда не позволял себе меня обижать.

Этим отступлением в прошлое объясняю свои переживания за брата. Завершилась эта проблема тем, что в 17 лет Ваня был принят на работу дежурным по вокзалу станции Белосток. Работать он стал не потому, что нужда заставила, а опасность, что безделье на кривую дорожку заведёт.

Пришла и радость в дом, приехал в отпуск Алёша. Дни пролетели, как одно мгновение.

Мы узнали, что он переболел малярией, нам не сообщал, чтобы не расстраивать. С нового учебного года его переведут ближе к Ростову. На учительской конференции узнает, в какую конкретно школу он попадет. Преподавать будет тот же предмет, русский язык и литературу.

Я от Алёши ни на шаг, да и ему некуда пойти. Я ему и выкладывала всё, что я узнала о Белоруссии и о Западной в частности. Он у меня спрашивал, как назвать русские слова на польском языке, очень сильно удивился, что за такое короткое время я освоила польский язык. Значение слов я освоила, но разговаривать на польском ещё не могла.

Мама была занята поисками новой одежды для Алёши. В магазинах выбор был небольшой, а с рук, у бывших лавочников, она закупила всё и хорошего качества. Одного только не учли, проработав в СШ станицы Кущёвская некоторое время, его призвали в армию и направили в г. Баку, в зенитно-артиллерийское училище (с 1935 года Бакинское пехотное училище им. Орджоникидзе дополнительно выпускало командиров-артиллеристов, другие училища Баку артиллеристов не готовили. – *Ред.*). Одежду его раскупили, но рубахи и лакированные туфли забрал в армию для себя. Далее я вернусь к этой одежде. В конце июля он уехал к месту своей работы.

У нас в жизни пошли изменения, оказалось, не в лучшую сторону. Литва вошла в состав СССР, и отца перевели в Литву. Участок его находился сразу за границей Белоруссии, начинался от пограничной станции Марциканцы в сторону Вильно. Курорт Друскеники переименовали в Друскининкай и передали Литве. Отец должен обсуживать и эту дорогу от Поречья. Напрямую железной дорогой его участки не соединялись. Основное движение шло из Вильно через Гродно и далее на Белосток. Обычно он находился вдали от дома.

Семья освободила квартиру в Поречье и переехала на новое место жительства в Друскининкай. В субботу он приезжал домой, если возникали проблемы на этом участке, в понедельник он оставался дома в

Друскининкай. При его здоровье такой режим грозил бедой. Друскининкай впечатлений особых не произвел, я летом отдыхала в местном пионерском лагере. С центром городка была знакома. Главная достопримечательность – красивый дворец на берегу озера, фасадом он выходил на главную площадь. Напротив парк на берегу Нёмана, где находилось здание для водных процедур отдыхающих. Парк доходил до нашего дома, где мы поселились. Напротив входа в парк, на берегу Нёмана, была небольшая пристань. На площади было несколько одноэтажных домиков, в один из них я вошла, так как это был маленький магазинчик. Продавец говорила на литовском языке, я молча вышла. Эта площадь была окружена высокими соснами. Там, в глубине леса, и находился наш пионерский городок. Впечатления стёрлись, но здания запомнились, наподобие большого барака.

От пристани, вдоль реки, построены несколько двухэтажных зданий. Это и были санатории. Дальше по парку шли одна или две аллеи вплоть до нашего дома. Двор достаточно большой, огорожен. От улицы, она же и грунтовая дорога в Поречье, участок имел уклон и упирался в приток Немана. На другом его берегу стояла мельница. Дом, в котором мы жили, расположен был в правом углу участка, за левым находился проезд к мельнице. За проездом – несколько крестьянских домов, в основном с польским населением. Они и были рабочими железнодорожниками. Дом был большой с мезонином. Посредине проходил коридор. Слева три просторных комнаты, которые мы занимали, справа комната и общежитие с выходом на большую террасу. Вокруг сосновый лес.

Места красивые, но нам это было совсем не в радость. Поезда в Друскининкай ходили два раза в день, утром и после обеда. В школу мне надо поездом ездить в Поречье. Пришлось расстаться с друзьями, кружками и самодеятельностью. Мама оказалась заключённой как в келье. В Поречье, райцентре, чиновники все с семьями жили соседями, помогали друг другу. Я помню, как мама вытащила из чемодана мои хромовые сапожки с галошами, которые она купила в Москве. Я ей говорю, они мне уже тесные. Она отвечает, знает, что тесны, она достала

их, чтобы подарить детям председателя райисполкома. Сапоги в очень хорошем состоянии, а в их семье четверо детей. И с местными соседями она нормально контактировала. Тут вокруг ни души. Надо покупать молоко, хлеб, яйца. Мама пошла к полякам и познакомилась с людьми, но с маленьким ребенком на руках и продуктами тяжеловато. Я ей предложила за продуктами ходить после обеда, когда я приеду из школы. Так мама установила контакты с полячками и задерживалась там. Это несколько разнообразило её жизнь.

Вите около 3-х лет, он был очень красивым ребёнком. Лицо беленькое, волосики волнистые светло-каштановые с рыжеватым оттенком. Главное, глаза, открытый взгляд, а там голубое бездонное небо. Спокойный и послушный. Однажды я осталась с ним и решила, что пол на кухне не совсем чистый для Вити, а мне его вымыть ничего не стоит. Я стала мыть, а ему понравилось ножками походить по воде. Я сказала, что нельзя ходить по мокрому полу и объяснила почему. Он немного постоял, и двинулся на чистые половицы. Чтобы не мешал мне работать, я решила его наказать. Ты не послушал меня, поэтому тебе наказание, будешь сидеть в кресле. Он послушно сел в кресло. Кухня была не маленькая, и я немного задержалась. Когда я подошла к Вите, он сладко спал. Мне так стало его жалко, что я чуть не заплакала. А себя стала ругать, что жестокая, бессердечная. Могла бы с ним еще поиграть и уложить спать. Полы могли и подождать. Днями я с ним ходила по аллеям в лесу, знакомила с окружающей природой. Рассказывала про птиц, деревья, шишки, про всё, что привлекало его внимание. Так мы доходили до озера, на скамеечке отдыхали, там тоже было много интересного и непонятного. Таким же путём возвращались домой. Я его не носила на руках, он сам ножками топал. Шли неспешно, останавливались, что-то рассматривали, и незаметно приходили туда, куда надо. Результат, Витя хорошо ел и отлично спал.

Папа меня порадовал подарком, купил в Вильно дамский велосипед. Я ему и отдохнуть не дала. Потянула на аллеи учить меня ездить на велосипеде. Он меня пару раз поддержал, и я поехала. Я его отпустила и продолжала тренироваться. Выехала на дорогу и стала по до-

роге вниз набирать скорость. Я попыталась тормознуть педалями, они не работают. Чтобы не разбиться, спрыгнула с велосипеда на ходу и поцарапала ноги. Решив, что велосипед без тормозов опасен, вернулась домой. Рассказала папе о велосипеде без тормозов. Он ответил, я очень быстро уехала кататься и он не успел рассказать, что этот велосипед, в отличие от наших, имеет ручной тормоз. От радости я забыла о царапинах. На другой день я поехала на ту горку, постепенно увеличивала высоту и спускалась вниз, работая тормозом. Появилось дело и развлечение.

Мне контакта с друзьями на переменах явно не хватало. После уроков я уходила на вокзал. Вокзал всегда пустой. В ожидании поезда я успевала выполнить домашнее задание. Подходил поезд, который состоял из 3–4 вагонов. В вагонах были купе с одной стороны, и только сидячие. В основном вагоны были пустые, иногда встречались попутчики, которые ехали в санаторий. Постояв на вокзале час, поезд возвращался в Гродно. На следующее утро этот же поезд прибудет в Друскининкай, и, если это понедельник, мы с папой едем в Поречье. Я отправлюсь в школу, а папа попутным поездом добирается в Марциканцы на свой основной участок работы. В субботу мы с папой возвращаемся домой вместе, в Поречье его подвозят на дрезине, если нет поезда. Один день в неделю он обычно оставался дома, так как в бригаде или в состоянии пути могли быть проблемы, да и рабочие должны встречаться со своим мастером. Папа в этом коллективе пользовался большим авторитетом и уважением.

Когда наступили каникулы, я не ездила в Поречье. Мне представилась возможность наблюдать, как начинался рабочий день бригады. Собиралась бригада возле парадной двери нашего дома. Это мероприятие называлась летучкой. Там бригадир объявлял рабочим план работы на сегодня, где и какой инструмент брать и каким транспортом перемещаться. Возникали вопросы и к мастеру, я в окно видела беседу, но не могла понять, да и не старалась. Но обратила внимание на лица рабочих. Слушали внимательно все, уважительно кивали голо-

вой, были вопросы, и ответ отца выслушали с тем же вниманием. Я подумала, что это наигранное выражение перед начальством. Но подумав, пришла к выводу, что изобразить одновременно внимание и теплоту во взгляде трудно. Пришла к выводу, что и в этом коллективе его уважают и прислушиваются. В трудную минуту, когда началась война, эти рабочие и помогли маме уйти от расправы в гестапо.

Дни тянулись скучно, особенно тяжело было маме. В разговоре всё чаще возвращалась к воспоминаниям, где ничего хорошего не было. Про себя я соглашалась, действительно, с 9 лет, а сейчас ей 47, она только работала, очень тяжело и только на других.

Говорю ей, что сейчас отдыхай. Она даже расстроилась.

Пусть проклят будет этот отдых, постель послать да борщ сварить, даже пол норовишь помыть ты, а не я. Целую неделю надо ждать отца, выглядывать в окно, а в окне сплошной лес еловый. Дома сад цветёт, в своём доме жили бы, огород, живность. Уже не говорю о друзьях. Людей видим редко. Тебе отец велосипед купил, хоть какое-то развлечение.

Война

Начало войны. Первые минуты и дни

Наконец дождались субботы, в доме шум, суета, я с Витей получила свои гостинцы, и мы висим на папе. Мама кормит папу, потом мы с Витей уходим в свою комнату, а мама организовывает папе помывку. Все счастливые, и, довольные, отправляемся спать.

И вдруг ночью раздаётся страшный грохот, задрожал дом, зазвенели стекла. Мы мгновенно проснулись и бегом на улицу. В кухне я догнала родителей, слышу, мама говорит растерянно: «Может это гром!?!». Отец отвечает: «ЭТО ВОЙНА». Голос его прозвучал так чётко и сурово, что я подумала, он знал, что именно сегодня полетят на нас снаряды. Мы выбежали во двор, а там над верхушками елей весь небосклон в огне от разрывов снарядов.

Вернулись в дом, отец сразу подошёл к селектору и стал звонить в Гродно, в дистанцию пути. Ответа не было. Стал одеваться и говорит: «Иду на вокзал, позвоню в службу движения, они дежурят круглосуточно». Разрывы не замолкали ни на минуту. Хорошо помню, началась стрельба до 4-х часов, а не ровно в четыре, как принято говорить, вернее пять. Мы с мамой с нетерпением ждём папу, канонада не прекращается ни на минуту. Наконец папа пришёл и объяснил, что связался с начальником дистанции в Гродно. Из Друскининкай, из Гродно, не могли дозвониться ни в какое государственное учреждение, звонок моего отца был очень вовремя. Как единственному коммунисту, ему было поручено эвакуировать детей, отдыхающих в пионерских лагерях города. Из Гродно высылают пассажирский поезд, отец должен организовать эвакуацию детей, найти двух женщин с детьми среди отдыхающих в санатории, забрать свою семью и уезжать из города.

Окончив работу с чужими детьми и женщинами, он пришел за своей семьей. Разговор вели в моем присутствии. Он рассказал, что положение в Гродно сложилось тяжёлое и, если военная помощь не придёт, город придётся оставить.

Мать отказалась от эвакуации, обосновав это тем, что как только мы за порог – местные жители немедленно все разграбят. Всю жизнь старались обеспечить себя и своих детей – и вдруг лишиться всего. Поэтому мать решила остаться дома. Она была уверена, что наши не отдадут и пяди своей земли проклятому фашисту. Пример – война с японцами и финнами. Но возможность захвата приграничной территории она не исключала, поэтому папе надо уезжать и увозить с собой дочь-подростка. Для себя опасности она не видела, считала, что она в возрасте, в партии не состояла, немцы не будут проявлять к ней интерес.

Пионеров эвакуируют не далее, чем в Лиду, чтобы переждать провокацию на границе. Быстро уложили в чемодан одежду, в спешке не продумали, что брать. Отцу шинель и новый форменный костюм. Мне два батистовых платья, юбку и блузу к ней, смену белья. Задумалась на мгновение, бегом к шкафу и положила в чемодан шикарный итальянский джемпер, и мы с отцом пошли на вокзал. Подошёл поезд без проводников. Отец открыл своим ключом дверь первого вагона, посадил меня и двух женщин с двумя детьми около трёхлетнего возраста, а сам пошёл встречать и распределять по вагонам подходившие отряды из пионерских лагерей. Посадка прошла организованно, и поезд отправился в путь. На ступеньках, сцеплениях и крышах находились люди из санаториев, вагоны были плотно забиты детьми. Как только поезд переехал «стрелки», дежурный по станции остановил состав.

Отца вызвали из вагона: «Поступило распоряжение подойти к селекторной связи», которая находилась в здании вокзала у дежурного по станции. Я сидела у окна и наблюдала за папой, понимая, что произошло что-то неладное. Пока он добежал до вокзала, затем разговор по селектору мне, казалось, прошла вечность. Но дальше произошло еще более страшное.

Я вижу, что из дежурного помещения выходит дежурный по станции, и в руке у него свернутый зеленый флажок, сигнал отправления поезда. Поезд начинает движение, а папа не выходит из дежурки.

Наконец он появился в дверях, но поезд уже набрал скорость. Он стал бежать за поездом, машинист увидел, что его начальник отстал от поезда, стал тормозить. Отец не стал садиться в последний вагон, продолжая бежать вдоль поезда. Машинист решил, что он не отстал, а бежит вдоль поезда по своей надобности, и стал набирать скорость, но отец уже поравнялся с моим окном и крикнул, чтобы я выбросила его документы, они лежат в кармане шинели. Я выбросила в окно шинель вместе с документами отца, деньгами и своими документами. Мне выйти не было никакой возможности, проходы забиты детьми, поезд набрал скорость.

В Поречье бомбежки нет, и нас без задержки отправили в Гродно.

Поезд приближался к городу Гродно, на открывшейся панораме город был весь в дыму, поднимались столбы взрывов к небу и казалось, что в городе не осталось никого в живых. Поезд наш приближался к разъезду, если память мне не изменяет, Рыбница.

На состав немецкий самолёт сбросил бомбу. К нашему счастью, никто не пострадал. Мы спрятались в придорожный кювет и стали наблюдать за воздушным боем наших истребителей и немецких. Мои впечатления от увиденного первого воздушного боя были очень печальными: я увидела, что наших самолетов было значительно меньше, чем немецких, они уступали немецким в скорости. Со стороны этот бой мною воспринимался, как рой пчел. В этом клубке самолёты гонялись друг за другом, но траектории полета у них были разные.

Если наши истребители взмывали вверх свечками, а вниз падали камнем, то немецкие двигались прямолинейно, и возможность вернуться в бой у них была, только описав дугу. Эта дуга проходила над нашим поездом, и немецкие летчики считали своим долгом сбросить на нас бомбу или обстрелять из пулеметов. Машинист паровоза при приближении немецких стервятников останавливал движение поезда, подавая сигнал тревоги короткими гудками. Мы горохом выпрыгивали из вагонов и прятались в придорожный кювет. Находясь в некоторой безопасности, мы наблюдали за воздушным боем, когда падал

немецкий самолет и взрывался, мы дружно кричали «ура», когда загорался наш истребитель, дети реагировали по-другому: кто-то плакал, кто-то ругал и проклинал немцев.

Мне в день начала войны исполнилось 13 лет и 10 месяцев, и старше меня детей в поезде не было, в 14 лет все уже были комсомольцами, а комсомольцев в пионерском лагере быть не могло.

Первый налет немецкого самолета на наш поезд ограничился обстрелом из пулемета. Самолет развернулся и вступил в воздушный бой, а мы вернулись в вагоны и продолжили движение к Гродно. Но не успел поезд набрать скорость, как последовала новая тревога, остановка поезда, и мы снова в кювете. На этот раз самолет обстрелял поезд и сбросил бомбу. Бомба взорвалась рядом с паровозом, но никто не пострадал. Самолет вернулся и вступил в воздушный бой, а мы вернулись в вагоны и продолжили движение к Гродно.

Третий раз мы двинулись в путь, и снова налет, но на этот раз я не успела выскочить из вагона до бомбежки. В купе со мной находились две женщины с маленькими девочкой и мальчиком, они замешкались при выходе из купе, я оказалась последней в вагоне. При выходе из тамбура я выдвинула ногу, чтобы опуститься на нижнюю ступеньку, но в это время рядом взорвалась бомба. Я почувствовала сильнейший ожог колена, скосила глаза, увидела, что верхняя часть колена приобрела интенсивный голубой цвет. (Это были, как я поняла позже, кости коленного сустава). Не увидев крови, я не подумала о ранении, но крики «раненная» и протянутые ко мне руки заставили меня снова взглянуть на колено. Увидела, кровь льется не только из колена, но и из двух других осколочных ран на ноге, и моя нога, до самых пальцев, вся в крови. Меня подхватили на руки и унесли в укрытие в кювет. Там медицинский работник обработал и наложил повязки на раны, ввел уколы.

Воздушный бой переместился на левую сторону от нашего поезда и стал удаляться дальше, в сторону Гродно. Поступила команда «по вагонам», меня внесли в вагон, и мы стали ждать отправления поезда,

но он не трогался. Начальник лагеря, который при отправлении поезда находился в одном купе с отцом, вышел выяснить причину задержки, оказалось, поездная бригада в панике убежала, бросив нас на произвол судьбы. Поступила команда выходить и строиться по отрядам, меня вынесли и посадили на край кювета. Ребята из пионерских лагерей становились в строй по отрядам, впереди пионерское знамя, горнист и барабанщик. В суматохе не заметили, что сидит одинокая раненая девочка, воспитатели своих посчитали, и под дробь барабана и звуки горна, по грунтовой дороге двинулись в Гродно.

Вокруг лес, пустое здание станции, вокруг нет людей. Я в это время с тоской думала, как мне не повезло, не будь я ранена, я бы сейчас шагала вместе с ребятами в Гродно. (Судьба пионеров неизвестна, из-за бегства паровозной бригады у них практически не оставалось шансов успеть эвакуироваться. Обычной практикой немцев было использование детей в качестве доноров для своих раненых, и дети очень быстро погибали. – *Ред.*) За спиной стоит состав, паровоз пыхтит как живой, но уже и мертвый. Стала соображать, что дальше делать, вернуться к матери не могу. Пешком рана идти не даст, видя, что происходит в Гродно, рассчитывать на пассажирский поезд не приходится. Жилья рядом нет, надо преодолеть расстояние до ближайшего хутора. Но прежде надо найти палку, чтобы иметь возможность передвигаться. Соображаю, как это выполнить, людей ни души, самолеты ушли на город. Немцы решили, что пути на Гродно они заблокировали нашим составом, и военная помощь из Литвы не придет.

И тут из зарослей выходят две женщины с детьми, которых папа привел из санатория, и просят меня присмотреть за малышами, а они пойдут на хутор найти транспорт. У меня появился шанс выбраться. Женщины вернулись без вещей и ювелирных украшений, но с кучером и повозкой. Глянув на кучера, я назвала его Иваном Сусаниным. Невысокого роста, старенький и очень худенький, в онучах и лаптях, одет в домотканую шерстяную свитку, подпоясан лошадиными путами, на голове поношенная солдатская шапка-ушанка, надетая на голо-

ву боком. Он быстро сообразил, что мне нужно хорошая опора, чтобы я добралась до воза. Отлучился и принес мне хорошую палку, и я благополучно допрыгала до воза. Не спеша, рысцой он нас привёз к воротам вокзала Гродно. Меня поразила тишина на улице, по которой мы ехали. Справа от нас рвутся бомбы, рушатся дома, кажется, нет там ничего и никого живого. На нас даже осколки не падают. Слева идет железнодорожное полотно. Но почему и там тишина? Возница подвёз к воротам вокзала, и, ступив на землю, я подняла глаза, мне всё стало ясно, все пути заставлены составами с горючим. Мороз по коже от картины сгореть живьём. (Немцы сохраняли горючее для себя. – *Ред.*) Вокзал безлюден. Мои попутчицы, спрыгнув с повозки, побежали на перрон вокзала. Только я спустилась на землю, наш возница круто развернул повозку и галопом погнал свою лошадь домой.

Появились их мужья и отослали женщин в бомбоубежище, мне сказали: «В этом киоске получи аванс зарплаты за отца и садись в пассажирский поезд на втором пути». Меня удивило, поезд для посадки раненных, женщин с детьми стоит на втором пути. Как в игре «в классики», прыгая, да ещё с палкой, я оказалась в киоске. За небольшим столиком стоит пожилой мужчина, в пенсне, прилично одет, ухоженная бородка. Но так трясется, что невозможно было на него без жалости смотреть.

Записав мою фамилию, имя и отчество, попросил назвать сумму. Я замешкалась с ответом, так как не приходилось брать деньги без разрешения родителей. Он сам поставил 300 руб. и дал ведомость для росписи.

За долгие прожитые годы я не встречала таких трусливых людей. Боятся смерти все, но как-то стараются не показывать этот страх. В 4-ом классе мне пришлось ходить в школу 5 км по железнодорожным путям с группой из 7-ми учащихся 1–3 классов. Ночью возвращаться из школы было очень страшно мимо лесозащитных полос, где, по рассказам, могли находиться бандиты, беспризорники.

Ужас наводили и светофоры своим фиолетовым в сочетании с зелёным светом в тёмной ночи, гудение аппаратуры под ногами в туннеле. Воображение рисовало засевающую там угрозу. На всём пути ни единого строения. Я вынуждена была быть храброй, если я не иду в школу, то не идут все дети. Страх об опасности возникает у всех нормальных людей. Преодолеть его помогает мышление, способность оценивать сложившуюся ситуацию и свои возможности в борьбе с возникшими трудностями. Я была как выброшенный из гнезда птенец, многое меня ещё будет удивлять.

В это время на перроне произошли изменения, возле каждого пассажирского вагона стоит вооруженная охрана из 4-х сотрудников НКВД. Из бомбоубежища хлынула толпа женщин и детей, но им разрешили внести в вагон только одно место багажа. Мгновенно стали распаковывать чемоданы и надевать на себя и детей одежду, оставляя по одному месту на человека. Через первый путь с палкой я перепрыгнула, а подняться по ступенькам в вагон возникла проблема. Я оглянулась, свободные только часовые, но они стоят навтыжку с оружием в руках. Решила ухватиться за поручни и подтянуться на руках, но меня подняли, и я в тамбуре, следом и мой чемоданчик. Я оглянулась и увидела, что рядом со ступеньками стоит командир охраны. Удивилась быстроте и ловкости часовых, отдать ружьё со штыком, подбросить подростка в вагон и стать смирно. Я повернулась, чтобы сказать спасибо, но часовые стоят по стойке смирно, возле ступенек стоит их командир и, как бы ни при чём, смотрит куда-то в сторону. Не слышала ни слова команды. Как-то стало спокойней, не пропустят в поезд диверсанта. О возможной диверсии меня предупредили, как только я вышла из киоска. Мне вручили противогаз, предупредив, что не исключена химическая атака на вокзал. Я подбросила в первое купе свой чемоданчик и прыжками добралась до полки.

Ранение стало беспокоить не на шутку, уколы, которые мне ввели при ранении, уже не помогали. В это время народ разобрался со своим имуществом, более ценное забрали, остальное бросили на перроне и

поспешили в вагоны. Время посадки было ограничено. Первой в вагон вошла женщина с 4-мя детьми от года до восьми лет. Ко всему у них 5 мест и всё узлы огромные, в основном одеяла и подушки. Учитывая, что вагоны более узкие, чем наши, боковых мест и дверей в вагонах не было, узлы уложили на пол между полками. Заботливая мама попросила меня освободить место, чтобы покормить детей. Я оказалась зажатой в угол, но за столиком и пыталась защитить свою ногу от бегущих по узлам деток. Но последовало требование мамы освободить столик. На ногу я не смотрела, она болела и была тяжела. Места я лишилась и вынуждена была поставить чемоданчик на торец возле окна в проходе вагона. Только я устроилась на чемодане, раненную ногу прижала к стенке, чтобы её не толкнули, поезд тронулся, и мы стали приближаться к мосту через реку Нёман.

Немецкие самолёты накинулись на нас с огромной яростью. Они шли вдоль состава на бреющем полете и на разных высотах. В окно я смотрела на Нёман, вода в нём бурлила, как в котле. Мне это напомнило воспоминание из детства на Кубани, в большую лужу падали с неба огромные градины. Я не могла объяснить себе, почему немцы, уничтожая нас, под Рыбницей и сейчас вели себя, по-разному. Под Рыбницей немецкий самолет, выходя из поединка с нашим самолетом, на бреющем полёте шёл вдоль нашего состава и расстреливал нас. Я видела его голову в шлеме. К нашему счастью, его пули поражали вагон выше окна. На мосту уничтожали нас с каким-то остервенением. Бомбы покрывали Нёман на расстоянии более ста метров от моста. Как только съехали с моста, нас оставили в покое. Поворот поезда, и я увидела мост, на выходе второй пассажирский поезд, на середине третий. Некоторое время нас не беспокоили.

Мои наблюдения и выводы подростка, у которого в течение нескольких часов изменилось в жизни всё, здоровье, быт и спасение, не зависящее от него. Первая пулеметная очередь по вагонам, все сразу упали на пол. В купе с детьми они залезла под свои узлы с одеялами и подушками, и там сидели тихо. В соседнем купе одна из женщин стала

голосить и причитать о гибели. Я про себя назвала её эгоисткой, не думающей о детях. А дети молчали и ни звука. Я не упала на пол так как поняла, упаду – встать не смогу. Мои глаза находились чуть выше рамы окна. Когда нас обстреливали утром под Рыбницей, пули пробивали в верхнюю часть окна. Погибнуть от осколков можно было в любом месте, а реально от прямого попадания и затонуть всем поездом.

Нам повезло, мы проскочили мост, живы и нас немцы не преследуют. Война осталась далеко, вокруг мир и тишина. И вдруг машинист даёт сигнал тревоги, а поезд останавливается в глубокой выемке. Чтобы выбраться из вагона, надо карабкаться по отвесной стороне. Ровное поле на уровне моих глаз. По гулу самолет определила, летит вдоль поезда. Из поезда выскочили все и бросились бежать по чистому полю к спасительным деревьям. В вагоне я одна, смотрю в окно на убегающих. Они как на ладони, ни кустика. Некоторые мужчины добежали до дороги, где было три дерева. Слабые и женщины с детьми растянулись по всему лугу. Оцениваю своё положение, убежать я не могу, погибнуть от пули в поезде маловероятно, пули меня не достанут, только прямое попадание бомбы может меня убить. Но почему самолет идёт на второй заход над составом, и не бомбит, не стреляет в бегущих людей. Я прислушалась и, о радость, гул нашего самолёта! Стала следить за возвратом самолёта, над составом я его не вдела. Наш истребитель вернулся низко над полем, я хорошо видела лицо лётчика, шлём, руки. Он стал покачивать крыльями, но все угнулись в землю и продолжают бежать. Вдруг из самолёта выпал человек, я вздрогнула, оказалось, лётчик выбросил своё кожаное пальто, которое упало на голову двум мужчинам. Только тогда глянули вверх и достали записку, в которой лётчик сообщил, что он нас сопровождает. Вернулись машинисты и дали сигнал посадки. Возвращались долго, некоторые еле плелись. Дальше мы ехали без проблем.

Я понимала, что у меня проблемы есть и опасные, я проваливалась и приходила в сознание. Не чувствовала ногу. В окно я увидела вокзал, без людей и звука. Хриплым голосом спросила, что за вокзал? Из глубины вагона ответили, Лида.

На рассвете мы подъезжаем к Минску, но семафор для нас закрыт. Кто-то сказал, что немцы бомбят Минск и нас пока не примут. Вновь возбудилась плакальщица и пошли вопли и причитания, как мы погибнем от бомб, или свалимся в глубокую насыпь, и нас будут давить вагоны, в которых мы сейчас сидим. Я глянула за окно и увидела действительно эту картину. Но стала реально мыслить. Если немцы бомбят Минск, то им детей и в Минске хватит. Немцы отбомбились, и нас принял Минск. Поезд на перроне Минска, и народ повалил на выход. В вагоне стало свободно, я решила перейти на полку, но ступить не могу. Глянула на ногу и увидела безобразную колоду, налитую жидкостью и пять пятен. Я догадалась, что это мои ногти.

Срочно надо к врачу! Прыгнуть пару шагов до выхода не проблема, выход из вагона обеспечили носильщики, которые стояли без дела на пустом перроне. Подбежали двое, но один взял меня на руки, я только сказала «в санчасть». Она оказалась рядом. Там перевязали, укололи, лекарства, и меня понесли в вагон. На обратном пути я увидела киоск и попросила носильщиков остановиться, что бы купить еды. Я вспомнила, что с начала войны ничего не кушала и даже не пила. Но в киоске нет ничего, только в баночках повидло. Одну я купила, и меня отнесли в вагон. Вскоре поезд отправился на Смоленск. Кушать не хотелось, баночку открыть не чем и я уснула. Проснулась от громких восклицаний в соседнем купе, как ты нас нашел! Мужской голос отвечает: «Наш поезд останавливается на станции, я глянул в окно и увидел, рядом стоит ваш поезд, я и рванул к вам». Все расспрашивали о происходящем в Гродно после отправления нашего поезда. Он рассказал, что на первый путь прибыл воинский эшелон, и я увидел на перроне Мойсейчика, который искал свою дочь. В это время поступила команда «по вагонам», первым тронулся состав с семьями, следующий наш за нами третий эшелон с оборудованием и специалистами. В нашем составе Мойсейчика нет. Он, возможно, находился в третьем эшелоне, который на наших глазах, от прямого попадания бомбы, вместе с мостом рухнул в Нёман. Женщины зашептали: «Тихо, его

дочь в первом купе». В это время прошел встречный, и он поспешил в свой поезд. Первым отправили наш состав

Услышав такое, я была в шоке, но сработала привычка осмысливать ситуацию и потом принимать решение. Почему мой отец должен находиться в эшелоне с оборудованием, к которому он ни каким боком не причастен. Были серьёзные причины остановить поезд за стрелками в Друскининкай, задержался у селектора и не уехал с нами, машинист его дождался.

Стоп! Свободный первый путь в Гродно? Разговор родителей, где отец сказал, если помощь не придёт, Гродно не удержат. Я сделала вывод, мой отец не погиб, он привёл воинский эшелон в Гродно на помощь из Литвы. Искал меня после прибытия воинского эшелона. Папа жив точно! Он может погибнуть в боях за город, но на мосту он точно не погиб. Действительно так и случилось. Подробности я узнала от матери, которой пришлось пережить столько, что трудно представить, как можно всё это вынести. В будущем бои были жестокие, и отец не вернулся с войны. Но в тот момент успокоилась, о подслушанном разговоре никому не сказала и уснула, в Минске напичкали лекарствами и в дорогу снабдили.

В Минске вышли белорусы, которым необходима пересадка на другие направления, в том числе и моя многочисленная семейка. В купе, я осталась одна, практически всю дорогу сплю, ни разу не встала. Я как бы слышала остановку поезда, выход людей, отправление поезда. И даже анализировала, почему мало вышло людей, и очень быстро тронулся поезд. Это поезд с железнодорожниками, и в Минске они по селекторной связи сообщили на свои станции, что они находятся в этом поезде и просят остановки. Не проспала и визит к попутчицам их мужей. Слышала, кто-то прошёл мимо, жужжание голосов, услышав Мойсейчик, как щелчок, я сразу пришла в себя. Обнадёживающая весть дошла до меня, которой я поверила. И была права.

Смоленск нас встретил воздушной тревогой, это удивило и расстроило женщин.

На следующий день мы в Москве. Надо в больницу, потом решать вопрос о дороге на Кубань. Только там меня будут искать родные. Все в вагоне зашевелились, стали упаковываться. Мне не надо, мой чемоданчик у меня под головой. В поезде были семьи, только те, которым нужна пересадка в Москве, чтобы вернуться на старое место жительства. Вместо Белорусского вокзала приняли нас на товарную станцию. В окно вижу грузовые составы, небольшая группа людей, машины скорой помощи и лотки с молоком в бутылках и бутерброды. Я осмотрела свои ноги и очень обрадовалась, они почти пришли в норму. Но я не пошла на выход, так как могу задержать других. Как и в Минске, после всех. Когда первые женщины с детьми открыли двери тамбура, увидав в толпе встречающих родственников, хотели выйти, им преградили выход вооруженные люди в форме НКВД. Нам объявили, в связи с военным положением нам запрещено высаживаться в Москве. Москвички, которых встречали родственники, выбросили в окно свои вещи, затем детей, которые бегом побежали к родичам. Женщины пошли к дверям, прыгнули вниз со ступенек, стали перед часовыми, развернулись и крикнули: «А теперь стреляйте! Мы вырвались из такого, теперь нам ничего не страшно». Их окружил караул и куда-то увёл. Остальные подчинились и остались в поезд, в том числе и я.

Разрешили выйти взять продукты для каждого. Я обратилась за медицинской помощью. Санитары меня вынесли к санитарным машинам, и там мне выполнили обработку ран, как и в Минске. Внесли меня в вагон, прихватив для меня паёк. Я вспомнила, как позавтракала в 7 утра 22-го, с тех пор ничего не ела и не пила. Обрадовалась, во-первых, не хотела кушать, во-вторых, в туалет ни разу не позвало. Я решила перекусить, булочку с молоком нужно скушать.

За это время нам поменяли паровоз и сразу отправили в путь. Меня удивила скорость поезда. Он со старта развил крейсерскую скорость. Я ездила и скорыми поездами, но такой бешеной гонки не испытывала никогда. Я не видела, что за окном, так как была уверена, ноге нужен покой и не поднималась. Слышу в купе, где ехали мои по-

путчицы из Друскининкай, раздаётся голос: «Куда он прёт с такой скоростью, без остановок? Дали нам зелёную улицу». Через пару минут другой уже испуганный голос: «Куда нас везут без остановки? Даже спросить невозможно, где мы?». Отвечает ей предыдущая женщина: «Остановятся, кончиться водичка в тендере, и вынуждены будут остановиться для заправки, надо подготовиться, и как только остановиться поезд, с детьми идём в атаку на охрану, как поступили москвички». Я решила встать и посмотреть, что так напугало за окном. Там действительно зрелище было не для слабонервных, особенно для испытавших репрессии 37-ых. В Белоруссии обочины – дороги, леса и поля, зелень кругом, в России для нас привычный пейзаж. За окном я увидела редкие, маленькие и хилые берёзки. Земля покрыта, чем-то серо-коричневым. Такая скудная растительность подсказала мне, что это ещё не тундра, но движемся мы в том направлении. Если нас действительно везут туда, то в чём я буду там обута и одета! Тёплого, кроме шерстяной кофты, у меня нет ничего. К вечеру стал пейзаж меняться, вместо лесотундры появились нормальные деревья.

Поезд стал сбавлять скорость. Все собрались возле меня и в тамбуре. Как только остановился поезд, люди повалили из вагона, чуть не повалив конвоира с винтовкой со штыком. На каждый вагон четыре конвоира, которые весь путь от Москвы сопровождали нас. Я спустилась по поручню, как планировала в Минске. Палку и чемодан кто-то подал. Я осмотрелась и вижу, что паровоз под водокачкой вместе с поездом, так не положено. Остановка только для набора воды, и дальше нас везли бы неизвестно куда. Нас окружила охрана из 8 человек, и приказали двигаться к вокзалу. Тут возникло препятствие, я иди и, тем более, нести чемодан не могу. Оказавшиеся рядом рабочие-железнодорожники вызвались помочь мне дойти. Хорошо, что было не очень далеко. Все ли решились выбраться из поезда, я не знаю, как не знаю, сколько всего прибыло в Москву.

Рабочие нам сказали, что мы находимся в Рязани. Я была удивлена, где нас возили, даже смена поясов, в то время как Рязань прямо на

юге от Москвы. Мне показалось, что ожидали при остановке поезда вот такой исход, на всякий случай подготовили помещение для нас. Нас разместили на втором этаже вокзала в просторном буфете и на лестнице поставили охрану. Людей оказалось не так и много, до трёх десятков. Пока на лавках размещались задержанные, я подошла к охране и попросилась отпустить меня в санчасть на перевязку. Вещи свои я оставляю здесь, и показала на чемодан и противогаз, в котором находились мои продуктовые запасы: кусок хлеба, немного сахара и баночка джема, купленная в Минске. Часовой посмотрел на мою ногу, вещи и сказал, ребёнок может идти.

Санчасть оказалась рядом, мне сделали всё, что нужно при ранении, и стали расспрашивать про войну. Меня поместили на кушетку, поделились ужином и, главное, соорудили костыль. Стемнело, и я решила пойти в арестантскую. Захожу, а мне говорят, что вызывают на допрос всех по одному. Я глянула, мой чемодан на месте, а противогаз исчез. Я спросила соседей, кто взял, ответили, какой то дядька зашёл и взял. Возможно, выбрали продукты, а противогаз отдали. Осуждать и разбираться я не стала, у них маленькие дети.

Я не стала ждать вызова и пошла на допрос сама. Так я познакомилась с работой «жестокрой тройки». Сотрудник пригласил меня зайти в комнату и открыл дверь. Комната узковатая, но длинная, темно и только в торце горит яркий свет, направленный вперёд. За освещением, у торцевой стены три стула, на которых сидят суровые командиры в форме работников НКВД. Перед столом стоит один стул, на который мне приказали сесть. Перед ними стол, накрытый красной тканью, и стоят осветительные приборы, лучи которых бьют мне прямо в глаза. Из-за этого я их плохо вижу. Обстановка вызвала какое-то неприятное ощущение. Как будто меня сдавило в тиски. Они задали вопрос: «Как я оказалась в поезде?». Я довольно спокойно и кратко рассказала, как это произошло. Мне объявили, что завтра меня отправят в Сибирь в детдом. Я сказала, что в Сибирь не поеду, так как родители меня будут искать на моей родине на Кубани. Они не имеют право меня одну от-

пустить, надо сопровождающего, наш сотрудник едет в командировку в Сибирь и тебя туда отвезёт. «Разве свяжете». «И что прикажешь с тобой делать?». Я предлагаю выход. Я эвакуировалась вместе с женщиной, которая едет в Тбилиси, мимо моей станции Мирская, она меня и высадит на остановке. «Если она даст расписку, мы согласны на этот вариант. Позовите её».

Я пришла и рассказала, что от неё требуется, для спасения меня от Сибири. Гримаса появилась, но она всё же пошла и дала расписку. После оформления разрешения на выезд меня послали к железнодорожникам для оформления документов на бесплатный билет на Кубань. Получив все документы, я вернулась около полуночи в буфет. Узнаю, что мою попутчицу увели на посадку в поезд, который идёт на юг. Открывается дверь, и железнодорожница говорит мне, «бери свои вещи, я попробую посадить тебя в проходящий пассажирский поезд на юг».

Пригласили еще двух женщины с детьми. Их тоже пытались отправить этим же поездом. Вышли на перрон, прибыл поезд, и проводница оказалась напротив меня. Провожатая стала упрасивать взять меня в вагон. Она ответила, нет мест. Слышу, рядом проводницы отвечают так же, нет мест. Я уже решила возвращаться в вокзал, подумала, если и будет в поезде место, не скоро я его найду с одним костылём. В это время проводница меня рассматривала, и как-то с запинкой говорит: «А эту девочку я, пожалуй, возьму». Моя провожатая закинула в тамбур мой чемоданчик, и меня подталкивает снизу. Ухватила за поручни, подтянулась, и я уже в тамбуре. Проводница переставила чемодан в вагон, я подняла глаза и застыла в недоумении, это что за 33 богатыря, а с ними дядька Черномор!

Вагон такой же по конструкции как и вагон, в котором я ехала из Бреста. Купе без дверей, две скамьи на 8 человек в купе. В вагоне чисто, полумрак, на всех скамьях сидят молодые ребята в новенькой хлопчатобумажной военной форме. Никаких вещей. В первом купе, крайний на скамье, лицом к двери сидит прапорщик. Все ребята головами легли друг другу на плечо, и крепко спят. Прапорщик во всех от-

ношениях старше их, чернобровый, с таким же чубом и усами. Я остановилась в растерянности, но Черномор открыл глаз, шепнул, богатыри шевельнулись и снова замерли. Заметила, фигуры их как бы чуть прямее стали. Снова открывается глаз Черномора, он пальцем показывает на краешек скамьи, рядом с ним. Поняла, шевельнулись, освобождая мне местечко. Я присела аккуратно, боясь толкнуть. Третий раз открывается глаз, и палец показывает на плечо Черномора. Я также положила ему на плечо свою голову, как призывники. Прикосновение лица к гимнастерке я ещё услышала, больше ничего, как провалилась в пропасть.

Проснулась я от тишины. Сначала мне почудилось какое-то осторожное движение, то появляется, то уходит. Но ритмичный стук колёс на стыках успокаивает. Это где-то далеко. Затем он совсем пропал, меня это насторожило, и я заволновалась. Я стала реально соображать, действительно тихо, и открываю глаза. Я лежу на лавке, а должна сидеть. Куда девались новобранцы, кто и как сумели меня положить, да так аккуратно, что я даже не проснулась. За окном слышу разговор, команды. В это время входит проводница, я её спрашиваю: «Где остальные». «Посмотри в окно». Я встала, подошла к окну и увидела, что состав из пассажирских и товарных вагонов. Солдаты вышли и готовятся выгружать из товарных вагонов вооружение, и даже кони там ржут. Перед окном огромное поле.

- Где мы находимся? – спросила я у проводницы.
- В пяти километрах от Мичуринска.
- Какое направление поезда дальше?
- Идем в Мичуринск, оттуда пассажирским на Ростов.
- Я должна компостировать свой билет в Мичуринске?
- Нет.

В Ростов я прибыла без происшествий, выхожу на перрон, и даже несколько растерялась.

Наш поезд не приняли на главный путь, недаром я удивилась устаревшими вагонами в Рязани. Несколько путей надо преодолеть,

чтобы попасть на вокзал. Стала осматриваться в поисках подземного перехода. Появляются железнодорожники и делают объявление: «Граждане пассажиры, рядом стоит товарняк, который идёт в Баку за новобранцами, вагоны чистые, новые нары. Кто едет в том направлении, может садиться, отправляется через 15 минут». Вокзал забит пассажирами, билетов нет и неизвестно когда будут. Мне до Кавказской 240 км, решила ехать товарняком. Тем более из вагона в вагон. Нас оказалось много, меня ребята подняли на руки и посадили в вагон. Поезд действительно тронулся через 15 минут. Ему была открыта зелёная улица. В полночь мы прибыли в Кавказскую, те же ребята меня высадили прямо возле главного входа в вокзал.

Я вошла в зал и вижу вывеска «ресторан». Вспомнила, последний раз я кушала в медпункте, это же было вчера. Кажется, там ходят люди, зайду покушать. Захожу, на встречу бежит женщина и кричит: «Мы уже не работаем. Да и не осталось ничего». Отвечаю, мне лишь бы съедобное было, можно с собой взять. Тут она разглядела костыль и ногу, спросила, откуда? «Из Гродно». Она повернулась к кухне и крикнула: «Девчата тащите всё, что осталось!». Забыли, что домой надо идти, знать хотели, что там происходит от очевидца. Узнав, что мне надо добираться в Казанскую в МТС, сказали, что на вокзале подожди 2 часа. В 4 часа подойдёт автобус на Ловлинскую, он проезжает мимо конторы МТС, там и выйдешь. Помогли вынести в зал чемодан и посадили возле окна, из которого я увижу подошедший автобус. Я спать не хотела, остановка автобуса оказалась рядом с выходом. Автобус прибыл по расписанию, через несколько минут я оказалась возле конторы МТС. Шофёр показал на 2 дома, которые мне нужны. Я повернула во двор первого и зашла в дом, чтобы спросить, где живут Белые, и встречаю свою тётю. Описывать не буду, очень тяжело.

* * *

Последняя встреча с братом

На следующее утро (ориентировочно, 7 или 8 августа 1942 года. – *Ред.*) я выхожу на крыльцо и вижу, к нам заходит во двор незнакомый мужчина. Я закричала «Алеша», и бросилась к нему. Мы быстро зашли в дом, тётя тоже в шоке. Стали спрашивать, что случилось. Он нас перебивает, и говорит, потом расскажу, а сейчас – спать.

Одет он в рубашку, косоворотку, и такие же брюки, когда-то они были синие из хлопчатобумажной ткани. При движении они шелестели, изгибы белели от соли, засохшей от пота. Я быстро внесла тазик с тёплой водой в комнату, «обмойся и можешь спать, сколько тебе нужно. Я заберу твою одежду, выстираю, приведу её в порядок». Так и поступили. Очень быстро вымылся – и в постель. Я занялась его одеждой. Нижнее бельё возле тела, понятно, почему оно такое жёсткое. Какую надо иметь физическую нагрузку, чтобы верхняя одежда была в таком состоянии. Я ужаснулась, что перенёс мой брат! Спал, не просыпаясь до вечера, мы терпеливо ждали. Я выстирала его одежду, выгладила, что-то зашила и тихо положила возле брата. Вечером Алёша вышел к нам в кухню. Стол был давно накрыт, покушали, и он стал рассказывать, что ему пришлось пережить с января по август 1942 года.

В госпитале с воспалением легких он не задержался, часть его уходила на фронт, он с ними. Прибыли на передовую, но Киев наши уже оставили. Наши войска несли большие потери. Моя батарея находилась рядом с окопами на передовой. Бой немцы начинали с налёта авиации на наши окопы. Я, командир зенитной батареи, вступаю с ними в бой. Авиация уходит, но в атаку идут танки, и большое количество. Разворачиваю свои орудия на прямую наводку и веду бой с танками.

Враг превосходил нас и авиацией, и танками. Немцы отступают и обходят меня стороной. Пока я вёл бой с танками, пехота отступила, и батарея оказалась в окружении. С боем выходим из окружения и догоняем свои войска. Главное, пополняли боезапас. Такое происходило не

единожды. Отступали с боями мы на Харьковском направлении. В какой-то период нашим войскам удалось закрепиться и держать оборону. Нажим немцев значительно снизился. Я смог послать вам короткое письмо: жив, здоров и где нахожусь. Появилась надежда у бойцов, отступление закончилось, и перейдём к отпору агрессору. Немцы, мол, выдохлись. Но когда завязался бой, враг оказался лучше вооружен, чем раньше. Наша армия просто побежала. Мне с батареей всё труднее было выходить из окружения, и догонять свои войска. Ко мне стали присоединяться бойцы из других воинских частей, которые оказались в окружении, как и мы. Я командир батареи, и стал командиром отряда пехоты.

Отступали с боями, пока были боеприпасы к орудиям – мы были силой. Кончились снаряды, орудия не дают возможности маневрировать отрядом. Некоторое время мы их не бросали. Но, оказавшись в глубоком тылу, без снарядов, орудия стали мешать пробиваться к своим. Принял решение: снять с орудий все приборы для наведения на цель и её поражения. Орудия разбирали, не уничтожая их, а оставляли в лесу в разных местах. Снятые приборы закопал, место захоронения нанес на карту и оставил заметки на местности. Лошади были пущены на питание бойцам отряда.

Иногда с отрядом он заходил на хутора, жители кормили бойцов отряда. На одном из хуторов хозяин пригласил на обед Алексея. В беседе хозяин говорит, вы с отрядом в глубоком тылу врага, на вас форма командира (фуражка и синие брюки-галифе, курсантская форма. – *Ред.*). В бою немцы убивают командиров первыми, в плен не берут, сразу расстреливают. Посоветовал сменить командирскую форму на форму солдата. Я ответил, что в отряде нет одежды. «Возьмите у меня рубашку и брюки, переоденьтесь, возможно, она уберёжет вас от вражеской пули». Так я оказался в этой одежде, ему отдал свою форму.

Выходить из окружения (батарея прикрывала отступление, затем приходилось догонять отступающие войска. – *Ред.*) мне пришлось 18 раз. Самый долгий, тяжелый и жестокий бой был последний (прорыв фронта. – *Ред.*). В Ростов я привёл на пункт формирования около 200

бойцов. Меня, как командира [среднего] командного состава, направили на формирование в г. Миллерово. Добирался в Миллерово на попутном транспорте, но пункт формирования уже убыл в г. Армавир (в эти же дни, после сдачи Ростова, немцы начали наступление. – *Ред.*), и мне было необходимо следовать туда же. Я снова на попутках и пешком иду в обратную сторону, в Армавир. Железнодорожный транспорт уже не работал. Стремительный прорыв немцами нашей обороны – и я оказался в тылу врага. Решил свернуть с главной дороги, так как там немцы уже контролируют мост. Завтра утром я уйду от вас, чтобы выйти к своим войскам.

Тётя снова расплакалась и стала просить не уходить, переждать можно в зарослях рядом с нашим домом. В удобное время переправим в [станцию] Ловлинскую. Вторым вариант – уйти за Кубань в плавни, где укрылось наше начальство. Он отвечает: «Мне это не подходит, если кадровый военный прячется от врага, спасая свою жизнь, кто тогда будет защищать свою Родину и свой народ?».

Полужинав, мы сразу легли спать. Рано утром вышли на крыльцо, я заявила, что уйду вместе с ним. Он знал, как не допустить моего бегства: «Фаина, мне будет сложнее уходить с тобой. Сейчас надо переплыть Кубань в Казанской, чтобы обойти мост через Кубань в Кавказской». Он продолжил: «Сейчас никуда не уезжай, чтобы я знал, где ты. Станешь ты ещё учительницей». Я моментально отказалась от своей идеи.

«Я тебя провожу до Кубани, убедиться, что ты благополучно переплыл Кубань». Он ответил: «Нет, мы не знаем, кто вон за тем домом находится». Я его обняла и поцеловала, он быстро пошёл по улице к Кубани.

Где он погиб, мы не знаем. При оккупации пошли слухи, что горцы убивают наших солдат. Убивают не только одиночек, но и отдельные подразделения. Военные входят в аул, их приглашают в саклю покушать или на ночлег, а там им перерезают горло. Это были слухи, и передавались они из уст в уста тайно. Эти слухи меня очень расстраивали.

СОДЕРЖАНИЕ

Детские годы	3
На Кубани	3
Белоруссия	46
Война	62
Начало войны. Первые минуты и дни	62
Последняя встреча с братом	79